

ГЛАВА VI

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ГРОЗА НАД РОССИЕЙ

Для профессионального революционера революция — это воплощение его мечты, реальная возможность проверить и скорректировать свои теоретические схемы и вместе с тем — суровый экзамен на историческую дееспособность. Это время тревог и ожиданий, время беспрестанного горения, когда сама жизнь как бы «пришпоживает» мысль и волю (выражение Розы Люксембург), постоянно рождая что-то новое, неожиданное, порой парадоксальное. Но сколько же ловушек таит в себе этот революционный вихрь: соблазн излишней торопливости, угрозу сектанства, увлечение радикализмом или, наоборот, крен в сторону сомнительных компромиссов, пассивной, выжидательной тактики... Революционер постоянно вынужден маневрировать между «авангардизмом» и «хвостизмом», опасностью слишком забежать вперед, оторваться от масс, превратиться в генерала без армии и перспективой остаться простым регистратором стихийного хода событий. И чтобы пройти между Сциллой революционного романтизма и Харибдой трезвенного политиканства, он должен обладать не только опытом и осмотрительностью, но и смелостью, чувством нового, иметь холодный ум и горячее, страстное сердце борца.

Помимо всего прочего, революция была и своеобразным турниром политических лидеров. Кто из них окажется на высоте положения? Кто сумеет в наибольшей степени повлиять на ход революционных событий? Кто сможет не только «учить революцию», но и учиться у нее? Ответ на эти вопросы могла дать только жизнь.

Беспрецедентная по жестокости, бессмысленности и цинизму правящих кругов России трагедия «Кровавого воскресенья» 9(22) января 1905 г., давшая толчок к началу Первой российской революции, всколыхнула либерально-демократическую общественность всего мира. За границей, в том числе и в Швейцарии, началось движение солидарности с революционной Россией, сбор средств для помощи жертвам 9 января, митинги и демонстрации протеста против расстрела сотен беззащитных людей. Активное участие в этой кампании принимал и Плеханов, являвшийся членом Международного социалистического бюро от РСДРП.

Буржуазно-демократический, по марксистской терминологии, характер начавшейся революции был совершенно очевиден и большевикам, и меньшевикам. Для господствующих классов России она стала наказанием за систематическое опоздание с радикальными реформами, самоуверенную великодержавность, бесконечное пре-

зрение к нуждам людей труда. Народу она давала шанс вырваться из беспросветной нужды и получить элементарные гражданские права. Непосредственной целью революции была всесторонняя демократизация страны, радикальное перераспределение земли в пользу крестьян, улучшение материального положения рабочих, решение национального вопроса, прекращение войны на Дальнем Востоке. Обо всем этом говорилось в той петиции, с которой петербургские рабочие и члены их семей шли 9 января к Зимнему дворцу под руководством священника Георгия Гапона. Шли мирно, с иконами и портретами царя, с надеждой на его милость. Ответом властей были, как известно, пули и нагайки.

В начале февраля (по н. ст.) скрывшийся из Петербурга Гапон появился в Женеве. Вскоре после приезда, в начале февраля 1905 г. он явился на улицу Кандоль к самому авторитетному руководителю РСДРП. Плеханов немедленно послал за Аксельродом, Засулич, Дейчем и Даном. Гапон немедленно объявил себя социал-демократом, а затем зачастил к Георгию Валентиновичу, постоянно оказывая ему знаки внимания и уважения¹. Однако Гапон был слишком невежествен в политике и очень тщеславен. Он начал заигрывать с эсерами, встречался с Лениным. Все это не нравилось Плеханову, и вскоре он потерял интерес к новому знакомому, хотя и считал его человеком искренним и в чем-то привлекательным.

Необычайная популярность Гапона в России и за границей в первые месяцы 1905 г. и вместе с тем слухи о его провокаторстве и двойной игре, метания главного героя «Кровавого воскресенья» между марксистами и эсерами, его попытки объединить действия всех революционных партий России и встать «над» ними — все это будоражило воображение, сбивало с толка, вызывало недоуменные вопросы. Кто он, отец Гапон — союзник, соперник, враг? Как относиться к нему? Как отвечать на его инициативы?

Неудивительно, что Ленин и Плеханов, не сговариваясь, выступили в своих партийных органах со специальными статьями, посвященными этому неординарному человеку. Статья Плеханова называлась «Священник Г.Гапон» и была опубликована в «Искре» в марте 1905 г. Георгий Валентинович защищал его от критики, называл революционером, советовал учиться. Тем не менее претензии Гапона на роль всероссийского революционного вождя были отвергнуты, и меньшевики отказались участвовать в созванной им в Женеве в первой декаде апреля конференции социал-демократических и неонароднических партий и организаций (Ленин, увидев явный поворот Гапона к эсерам, ушел с самой конференции²).

¹ См.: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 12. Л. 15–17; Дейч Л.Г. Герой на час // Современный мир. 1909. № 1. С. 134; Усыскин Г.С. Плеханов и Гапон // III Плехановские чтения. С. 85–90.

² Подробнее см.: Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 45–47.

Интересен рассказ Плеханова о его последней встрече с Гапоном в 1905 г. Тот уже не скрывал, что перешел к эсерам, которые учат его стрелять, ездить верхом, начинять бомбы и т.п. По его, Гапона словам, у эсеров идет настоящая революционная работа — не то, что у социал-демократов, которые только читают книги. «Вы смотрите, батя, эсеры хитры! — потешался над Гапоном Плеханов. — Самого главного они, верно, вам не показывают». Гапон настаивался. «Чего же именно?» — спросил он. «А вот по воздуху на воздушном шаре летать. Наверное, про это ничего не говорили?» — продолжал шутить Плеханов. Гапон ушел очень обеспокоенный, и больше его Георгий Валентинович не видел¹.

Летом 1905 г. Гапон ездил в Финляндию, участвовал в организации известной операции по закупке и перевозке в Россию оружия на пароходе «Джон Графтон», затем вернулся в Швейцарию, снова пытался войти в доверие к большевикам, заходил к Плеханову, но тот был в отъезде, и Розалия Марковна не дала адреса мужа.

Когда в декабре 1905 г. стало известно, что вернувшийся по амнистии в Россию Гапон вошел в контакт с Председателем Совета министров С.Ю.Витте и призывает русских революционеров заключить некое политическое соглашение с главой царского правительства, Плеханов написал открытое письмо в газету французских социалистов «L'Humanite». В нем он предостерегал европейскую общественность от увлечения Гапоном, который, заявляя о верности идеям международного социализма, в то же время призывает своих сторонников не полагаться больше ни на одно из существующих в России политических течений и ориентироваться только на правительство. «Очень возможно, что отец Гапон имеет хорошие намерения. — Писал Плеханов. — Но не надо забывать, что весь ад вымощен хорошими намерениями»².

В начале 1906 г. Плеханов уже прямо называл Гапона конченным человеком, которого удивительно дешево купили царские власти³. Как известно, в марте 1906 г. окончательно запутавшийся в своей авантюрной игре Гапон был убит эсерами на даче под Петербургом.

Между тем революция в России в январе и феврале 1905 г. стремительно шла на подъем. 10 февраля на страницах «Искры» появилась большая и очень яркая статья Плеханова под названием «Врозь идти, вместе бить», посвященная обоснованию тактики российской социал-демократии в свете последних событий. Нарисовав драматическую картину гражданской войны, начатой 9 января самим царским правительством, Плеханов затронул здесь, пожалуй,

² Подробнее см.: Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 45–47.

¹ Сверчков Д.Ф. На заре революции. М., 1921. С. 249; см. также: Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 12. Л. 17.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 6. С. 63–64.

³ См.: Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. М., 1974. Т. III. С. 240.

самую актуальную для того времени тему — тему народного восстания. «Вопрос о вооруженном столкновении нашего пролетариата с царским правительством ставится на очередь неотвратимой логикой истории. Мы, со своей стороны, можем сделать только одно: *поставить разрешить его в пользу пролетариата*», — писал он¹.

Шансы на успех пролетарского восстания в России, по мнению Плеханова, были бы достаточно высоки, ибо рабочие могут рассчитывать здесь на поддержку «общества», частью которого является офицерский корпус, в свою очередь влияющий на поведение солдатской массы. Второе важное условие победы повстанцев он видел в дезорганизации правительственного аппарата власти с использованием даже такого крайнего средства, как революционный террор (!). Но самое главное, подчеркивал Плеханов, состоит в том, чтобы предстоящее восстание стало выступлением *вооруженных народных масс*, ибо только в этом случае оно сможет покончить с самодержавным режимом.

Вот лишь несколько наиболее ярких выдержек из этой статьи Плеханова, характеризующих его настроение после «Кровавого воскресенья»:

«Горе нашей стране, если она не возмутится ввиду всех этих кровавых подвигов царских людоедов! ... Ответ на кровавые бесчинства бандитов, управляющих Россией, может быть только один: громкий, дружный, единодушный крик, призывающий к вооруженному сопротивлению всех мужественных людей российского государства, всех врагов царского самодержавия».

«И пусть не говорят нам, что нынешняя усовершенствованная военная техника заранее осуждает народное восстание на неудачу. Если бы это стояло даже вне всякого сомнения, то и тогда нам все-таки не следовало бы отказываться от мысли о поддержке такого восстания, потому что пассивное отношение нашего народа к гнусностям, совершаемым его правителями, было бы самым ужасным из всех возможных видов его поражения, сделав его незлечимым рабом и осудив его на вечную политическую незрелость».

«Если на Западе изолирован — до поры, до времени — пролетариат, то у нас в изолированном положении оказывается как раз тот враг, с которым мы ведем теперь борьбу не на жизнь, а на смерть, т.е. царское правительство. Это в огромной степени увеличивает шансы восстания»².

Таким образом, Плеханов выдвигал перед социал-демократами триединую задачу: ускорить политическое воспитание пролетариата, подготовить путем проведения целого ряда агитационно-пропагандистских и организационно-технических мероприятий победу народного восстания и координировать действия всех антисамодер-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 191.

² Там же. С. 189, 191, 192.

жавных сил под лозунгом «Врозь идти, вместе бить». Характерно, что, познакомившись со статьей Плеханова, Ленин отметил: фактически Плеханов проводит те же взгляды, на которых настаивала всегда большевистская фракция и ее печатный орган — газета «Вперед»¹. Одновременно Ленин подчеркивал, что, несмотря на внешнюю солидарность Плеханова с позицией меньшевистской «Искры», он по существу опровергает взгляды ее редакции, в частности Мартова, который делал акцент на стихийной стороне развития революционного процесса в России.

В этой связи следует подчеркнуть, что в 1905 г. Плеханов начинает все больше и больше расходиться с меньшевиками и занимать позицию, названную Лениным «особой» и не совпадавшую целиком ни с меньшевистской, ни с большевистской. Это был своеобразный центризм, если понимать под ним не беспринципное политиканство и демагогическое использование левой фразы для маскировки своей соглашательской политики (а именно так нас учили понимать его прежде), а поиск реалистического и сбалансированного подхода к решению революционных задач, далекого как от левого экстремизма, так и от откровенного реформизма. Причем по некоторым вопросам (подготовка вооруженного восстания, отношение к крестьянскому движению) Плеханов был в 1905 г. ближе к большевикам, а по некоторым («захват власти», оценка либерально-буржуазного движения) — к меньшевикам.

Характеризуя позже свои взаимоотношения с меньшевиками, Плеханов признавал, что, хотя ему приходилось в редакции «Искры» и не сладко, он не мог не поддерживать их, поскольку Ленин и большевики совершенно уклонились от тактической линии группы «Освобождение труда», а меньшевики в общем и целом лучше понимали его взгляды и стремились сохранить верность плехановской платформе. Правда, и они понимали Плеханова несколько «дубовато», что и вызывало в их отношениях «некоторые, так сказать, антракты»². Один из них как раз и пришелся на 1905 г.

В марте Плеханов стал печатать в Женеве «Дневник социал-демократа Г. В. Плеханова», прототипом для которого послужил «Дневник писателя», издававшийся в 1876—1881 гг. Ф. М. Достоевским. Первый номер «Дневника» состоял всего из трех статей. В них анализировались причины поражения царской армии на полях Маньчжурии («Мукден»), рассказывалось о росте крестьянского движения в России («Мужики бунтуют»), подчеркивалось значение марксистской теории, пренебрежением к которой, по мнению автора, особенно грешили большевики.

Исключительно большое значение имели в то время высказывания Плеханова по крестьянскому вопросу. «...Мы сделали бы

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 287.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 386.

страшную, непоправимую ошибку, если бы остались равнодушны к начинающему теперь революционному движению в деревне... Деревня становится революционной; мы обязаны поддержать революционную деревню», — писал Плеханов в статье «Мужики бунтуют»¹. Он подчеркивал, что настало время поддержать требования крестьян об экспроприации помещичьего землевладения. Крестьянство выступает теперь как революционная сила, писал Плеханов, и именно в этом качестве должны поддержать его социал-демократы, ибо по мере спада революции крестьянин — «этот мелкий мещанин земледелия» — будет превращаться в опору буржуазного строя и уже не сможет вызвать подобного энтузиазма со стороны пролетарской партии².

Пройдет немногим более полугода, и аграрная революция примет в России такие размеры, что Плеханов с уверенностью скажет: «Крестьянин составляет чрезвычайно сильный резерв русской революции...»³ Взяв помещичью землю, он станет решительным революционером, «а этого достаточно, чтобы мы не опасались за судьбу русской революции. Революционному пролетариату, поддерживаемому революционным крестьянством и имеющему все основания рассчитывать на поддержку международного пролетариата, не страшны будут ни «внутренние» враги, ни внешние...»⁴

По мнению Плеханова, в сложившихся в России условиях предпочтительнее всего была бы «муниципализация» земли, которую предложил еще в 1902 г. социал-демократ П.П.Маслов и которая предусматривала сдачу перешедших в распоряжение земств помещичьих земель в аренду крестьянам. В случае, если бы этот вариант по каким-то причинам реализовать не удалось, Плеханов предлагал осуществлять «черный передел» с передачей помещичьих земель крестьянам на правах собственности. Что касается национализации земли, то ее Плеханов по-прежнему отрицал.

Начавшаяся революция с особой остротой поставила вопрос о созыве нового партийного съезда. После долгих проволочек на это согласился, наконец, и ЦК РСДРП, а точнее говоря избежавшие ареста в феврале 1905 г. два его члена — Л.Б.Красин и А.И.Любимов. Местом проведения съезда был выбран Лондон, а пригласить на него решили все большевистские и меньшевистские организации. Получил приглашение и Плеханов. Однако он предпочел уклониться от поездки в британскую столицу, объясняя это тем, что подготовку съезда взяла в свои руки лишь одна фракция РСДРП — большевистская, которая и будет на нем хозяйкой, тогда как меньшевики окажутся в положении мальчиков для битья. Плеханов

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 247—248.

² Там же. С. 251.

³ Там же. С. 350.

⁴ Там же. С. 349.

шутил, что большевики собираются поступить с ним так же, как с персонажем известного рассказа Тургенева «Бежин луг». Напомним, что там один мальчик зовет другого: «Иди сюда, черт, ле-ш-и-и-й... Тебя тятка высечь хочи-и-и-т...»¹

В итоге одновременно состоялся III съезд РСДРП (большевистский) в Лондоне и Первая общерусская конференция партийных работников (меньшевистская) в Женеве, заседавшие в конце апреля — начале мая 1905 г. Плеханов после долгих колебаний примкнул к меньшевикам и активно работал в образованных делегатами меньшевистской конференции комиссиях по аграрному вопросу и по вопросу о профессиональном движении.

Заметим, что у большевиков уже сложилась к тому времени достаточно стройная концепция Первой русской революции. Они отводили роль гегемона в ней пролетариату и его социал-демократической партии, главного союзника рабочих видели в крестьянстве, а либералов категорически исключали из революционного лагеря. Основной своей задачей в данный момент большевики открыто объявляли всестороннюю, прежде всего военно-техническую, подготовку всероссийского вооруженного восстания. Ставился ими и вопрос о превращении начавшейся революции, в случае ее победы, в революцию социалистическую как часть общеевропейской, а может быть, и мировой пролетарской революции.

Стратегия и тактика меньшевиков к апрелю 1905 г. тоже в значительной мере уже определились. Они не расходились с большевиками по вопросу о характере революции, готовы были признать ее гегемоном пролетариат, не сбрасывали со счетов крестьянское движение за землю и тоже призывали к восстанию. Но меньшевики склонны были расширить рамки общенационального антиправительственного фронта, включив в него и либеральную буржуазию. Особый акцент делался ими на развитии революционной самостоятельности рабочих масс и разного рода внепартийных демократических организаций, а также на «самовооружении» народа, поскольку социал-демократия никогда не сможет создать боеспособную сеть вооруженных дружин «сверху». Таким образом, меньшевики делали ставку на стихийное развитие революционного процесса, отказ от всякого сектантства и максимальное поощрение инициативы «снизу». При этом меньшевистская концепция революции, в выработке которой значительную роль играли Г.В.Плеханов, Ю.О.Мартов, П.Б.Аксельрод, А.С.Мартынов, Ф.И.Дан, строилась на базе опыта Великой французской революции, европейских революций 1848—1849 гг. и освободительного движения в самой России, причем западные образцы имели для меньшевиков приоритетное значение.

¹ См.: Правда. 1940. 25 апреля (воспоминания М.Г.Цхакая).

Возвращаясь к работе Женевской конференции меньшевиков, следует отметить, что круг ее участников был достаточно узок: делегаты от 8 комитетов и союзов РСДРП (на большевистском съезде был представлен 21 комитет), редакция «Искры», несколько приглашенных из эмигрантских меньшевистских групп. Протоколов конференции не велось, и о выступлениях на ней Плеханова мы знаем сравнительно немного. Так, например, известно, что в отличие от ряда делегатов, не скрывавших своих опасений в случае подъема массового стихийного крестьянского движения, Плеханов выступил в поддержку аграрных требований крестьянства вплоть до конфискации всех помещичьих земель и передачи их в руки крестьян. По предложению Плеханова делегаты обязали всех рабочих-меньшевиков принимать самое активное участие в работе профсоюзов, а местные партийные организации — поддерживать с ними постоянный контакт и помогать в их борьбе за удовлетворение экономических требований пролетариата.

Участники конференции стремились найти среднюю линию между позицией Мартова, развивавшего идею «самовооружения» народа, и взглядами Плеханова, призывавшего социал-демократов сделать все возможное, чтобы в решающий момент «народ был вооружен не церковными хоругвями и крестами (как это было 9 января. — С.Т.), а чем-нибудь более серьезным и действенным»¹. И если основная резолюция по данному вопросу была выдержана в духе «искровских» статей Мартова, то в дополнительной резолюции «О вооружении» шла речь о выделении средств на приобретение оружия для боевых дружин, обсуждении на рабочих собраниях планов нападения дружинников на важнейшие правительственные объекты и склады с оружием, создании при партийных организациях специальных технических групп и т.п., т.е. практически использовались советы Плеханова.

Принципиально важна была и принятая в Женеве резолюция о поддержке РСДРП всех антиправительственных выступлений других революционных и оппозиционных партий и организаций, во многом воспроизводившая основные положения известной резолюции Потресова об отношении к либералам, утвержденной на II съезде РСДРП. В качестве условий такой поддержки фигурировали признание требования созыва Учредительного собрания и активное участие в деле вооружения народа. Подобное решение вполне устраивало Плеханова, так же как и отрицательное отношение участников конференции к идее участия РСДРП во Временном революционном правительстве, которую развивал тогда Ленин.

Однако когда на конференции было решено объявить ее делегатов представителями лишь одной, меньшевистской фракции РСДРП и заменить ЦК и Совет партии новым руководящим орга-

ном — Организационной комиссией, состоящей из видных меньшевиков-практиков, Плеханов, оставшийся таким образом «без работы», взбунтовался. Прошло несколько недель, и 29 мая 1905 г. он в знак протеста сложил с себя обязанности члена редакции «Искры» и председателя Совета партии, заявив, что остается верным постановлению единственно законного пока общепартийного II съезда РСДРП о структуре ее центральных учреждений. И хотя В.И.Засулич готова была, по ее собственным словам, «разорваться на пять кусков», лишь бы не допустить такого «безобразия», как отставка Плеханова, ее товарищи по редакции «Искры» решили на этот раз не проявлять особой настойчивости в обращенных к Георгию Валентиновичу призывах сменить гнев на милость. Да и сам он, похоже, не склонен был менять своего решения. Разрыв, как помнит читатель, назревал давно, и теперь уже явно пора было переходить от слов к делу. Правда, Мартов, Потресов и Засулич направили Плеханову коллективное письмо с предложением взять свое заявление обратно, однако тот твердо стоял на своем, и его отставка стала фактом¹.

Тягостную ситуацию немного скрашивали лишь новые литературные успехи Плеханова. В марте в партийной типографии вышел сборник его статей «На два фронта», в который вошли «Социализм и политическая борьба» и ряд других работ. Почти одновременно в Петербурге появился в магазинах еще один сборник статей Плеханова «За двадцать лет» — увесистый том объемом 650 страниц, где были собраны его экономические, философские, исторические и литературоведческие эссе конца XIX в. Наконец, в августе в Женеве была завершена работа над первым томом «Сочинений Г.В.Плеханова», куда вошли его работы 1878—1884 гг.

Ухудшение отношений Плеханова с членами редакции «Искры» оживило надежды большевиков на возможность возобновления деловых контактов с ним. Как вспоминал Г.Е.Зиновьев, который был тогда одним из руководителей Бернской группы большевиков, весной 1905 г. Ленин дал ему поручение повидаться с Л.И.Аксельродом (Зиновьев был знаком с ней еще с 1902 г.) и дать ей понять, что большевики очень ценят Плеханова и будут рады, если он вновь станет сотрудничать с ними. Одновременно рекомендовалось подчеркнуть, что махизм отнюдь не является официальной идеологией большевизма, хотя Богданов и занимает среди большевиков очень видное положение. Очевидно, это поручение было дано Зиновьеву еще где-то в конце марта, поскольку в начале апреля он уже сообщил Ленину о результатах состоявшейся встречи с Л.И.Аксельродом, которая должна была передать все услышанное ею Плеханову².

¹ Подробнее см.: Тютюкин С.В. Первая российская революция и Г.В.Плеханов. М., 1983. С. 52—56.

² См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 168, 181—182.

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 191.

19 мая 1905 г. состоялось устроенное через все ту же Аксельрод свидание Плеханова с пятью делегатами III съезда РСДРП. По свидательству Аксельрод, Георгий Валентинович остался очень доволен этой беседой и выразил согласие вести дальнейшие переговоры с большевиками¹. В начале июня Л. И. Аксельрод посетил большевик Г. Л. Шкловский, который делал авансы и своей собеседнице, и Плеханову, уверяя, что Ленин охотно уступил бы ему пост ответственного редактора центрального партийного органа. «Хитрые люди это болшинство, но уважаю их за то, что они хотят людей притягивать, а не отталкивать...» — писала Л. И. Аксельрод сестре Иде².

Однако договориться с Плехановым большевикам так и не удалось. Георгий Валентинович был глубоко обижен тем, что в извещении о III съезде РСДРП говорилось, будто неявка Плеханова и других членов Совета партии на съезд равносильна отказу выполнить волю партии и что тем самым они поставили себя вне ее рядов. Узнав об этом, Плеханов сказал Г. Л. Шкловскому: «Плеханова, батенька, нельзя исключить из партии, ибо Плеханов — это программа партии, ее знамя». Не нравилось Георгию Валентиновичу и то, что Ленин не хочет рвать с Богдановым и Луначарским. В итоге переговоры зашли в тупик³.

Вскоре после III съезда РСДРП большевистский ЦК принял решение о том, чтобы поручить Плеханову представительство в Международном социалистическом бюро и редактирование научного органа партии по типу журнала «Заря», если он признает законность большевистского съезда и его решения (как известно, меньшевистская конференция постановила считать их незаконными). Возможность сближения с Плехановым не исключалась большевиками вплоть до осени 1905 г., однако его новые публичные нападки на Ленина, а также антиплехановские настроения во многих большевистских организациях в самой России сделали реализацию этого плана невозможной. В августе 1905 г. Плеханов выпустил второй номер «Дневника», в котором наряду с несколькими прекрасными статьями («Патриотизм и социализм», «Князь Потемкин-Таврический») были опубликованы и «Выбранные места из переписки с друзьями», где автор в очень резкой форме полемизировал с Лениным, упрекая большевиков в игнорировании прямых указаний Энгельса о недопустимости участия социалистов в буржуазном революционном правительстве.

Заметка Плеханова о восстании на броненосце «Потемкин», где он поставил вопрос о том, что для победы революции над старым режимом нужен переход хотя бы части армии на сторону народа и

¹ РЦХИДНИ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 19. Л. 19—20.

² Там же. Л. 67—68.

³ См.: Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 200—202; там же. 1927. № 1. С. 12—15.

что такой переход вполне возможен, получила неожиданное продолжение. Дело в том, что после того как в июле 1905 г. мятежный корабль был интернирован в Румынии, часть его команды разъехалась по различным странам мира, причем группа матросов-потемкинцев, среди которых был и один из руководителей восстания Афанасий Матюшенко, прибыла в Женеву, где встречалась с Лениным и Плехановым. Георгий Валентинович и члены его семьи помогли морякам в поисках работы и жилья. Рассказ матроса Михаила Соломина о ходе восстания был записан в доме Плеханова одним русским студентом и напечатан в 1906 г. в петербургском журнале «Современный мир» под псевдонимом Матросов. Бывал у Плехановых и одесский меньшевик Константин Фельдман, принявший активное участие в восстании на «Потемкине». По предложению Плеханова он тоже написал воспоминания о потемкинской эпопее, ставшие ценным историческим источником. В дальнейшем К. И. Фельдман поддерживал связь с Плехановым и в 1917 г. стал видным членом возглавлявшейся им группы «Единство».

Осень 1905 г. принесла с собой невиданный еще подъем революционного движения в России. Во время Всероссийской октябрьской политической стачки с 2 млн участников судьба романовской монархии висела буквально на волоске. Царь оказался перед выбором: либо установление военной диктатуры, способной потопить революцию в крови, либо переход хотя бы к какому-то подобию конституционного правления. 17 октября Николай II вынужден был выбрать второй вариант: «дарованная» в августе законосовещательная Государственная Дума превращалась теперь в законодательную, народу были обещаны гражданские права и свободы, а вскоре была объявлена и частичная политическая амнистия. Начались «дни свобод», когда РСДРП смогла перейти на полулегальное положение, свободно проводились митинги и собрания, открыто продавались революционные газеты и т. д.

В этих условиях возникли реальные предпосылки для возвращения лидеров русской революционной эмиграции на родину. В дорогу собирались и большевики, и меньшевики, и эсеры. Заговорили о возвращении в Россию и в доме на улице Кандоль, где жили Плехановы. Именно в это время большевики сделали еще одну попытку договориться с Георгием Валентиновичем, причем Ленин счел необходимым даже специально запросить санкцию русской части ЦК на ведение таких переговоров. Обаяние имени Плеханова, его огромный авторитет в российских революционных кругах и во II Интернационале, мощный плехановский интеллект, как магнит, манили большевиков, стремившихся любой ценой перетянуть его на свою сторону. Поэтому в самом конце октября 1905 г., за несколько дней до своего отъезда в Россию, Ленин обратился к Плеханову с большим письмом. Он предложил встретиться для обсуждения вопроса о возможности возобновления сотрудничества после возвращения из эмиграции на родину. Поводом для письма послужило

решение большевиков приступить к изданию в Петербурге легальной социал-демократической газеты «Новая жизнь». К участию в ее редакционной коллегии предполагалось привлечь, в случае согласия, и Плеханова, тем более что в России полным ходом уже шло объединение большевистских и меньшевистских организаций.

«Что мы, большевики, страстно желаем работать вместе с Вами, это мне вряд ли нужно повторять Вам, — писал Ленин. — ...Я знаю прекрасно, что все большевики рассматривали всегда расхождение с Вами как нечто временное, вызванное исключительными обстоятельствами. Споры нет, борьба часто увлекала нас на такие шаги, заявления, выступления, которые не могли не затруднять будущего соединения, но **готовность** объединиться, сознание **крайней ненормальности** того, что лучшая сила русских с.-д. стоит в стороне от работы, сознание **крайней необходимости** для всего движения в Вашем руководящем, близком, непосредственном участии, — все это было у нас всегда. И мы все твердо верим, что не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра наше соединение с Вами все же состоится, несмотря на все трудности и препятствия».

Пожалуй, Ленин из дипломатических соображений несколько переборщил, написав Плеханову, что тот на девять десятых согласен с большевиками (может быть, он вспомнил, как летом 1902 г., после той бури, которая разразилась в редакции «Искры» при обсуждении проекта программы партии, Плеханов написал ему, что на 75% они ближе друг к другу, чем ко всем остальным редакторам газеты¹). Но в чем Ленин был безусловно прав, так это в том, что революция с поразительной быстротой сметала тактические разногласия между большевиками и меньшевиками. В заключение Ленин еще раз подчеркнул, что все большевики уверены в пользе, важности и необходимости совместной работы с Плехановым. Письмо было составлено с соблюдением всех правил вежливости: оно начиналось с официально-торжественного обращения «Многоуважаемый Георгий Валентинович!» и кончалось не менее почтительными словами: «Искренне уважающий Вас В. Ульянов»².

Вероятно, Плеханов прочитал это послание не без тайного удовольствия: как никак, а Гора все-таки пришла к Магомету! Однако ему вряд ли понравилось, что среди будущих редакторов «Новой жизни» Ленин назвал А.А. Богданова и А.В. Луначарского, философские позиции которых явно не устраивали Плеханова своей неортодоксальностью. Несомненно, кольнула его и неосторожно брошенная Лениным фраза: «При таких условиях, кажется мне, Ваш переход к нам вполне возможен, и дело будущего объединения он не затруднит, а облегчит и ускорит». Ведь Плеханову совсем не

¹ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. I. С. 134.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 103–106.

хотелось бы, чтобы его сближение с большевиками рассматривалось как «переход» на сторону последних.

По признанию самого Плеханова, он долгое время хранил ленинское письмо, но «отклонил лестное предложение принять руководящее участие в работе товарищей большевиков»¹. Неизвестно, было ли сделано это в форме ответного письма или Плеханов просто промолчал. Так или иначе, встреча Ленина и Плеханова не состоялась — иначе об этом помнили бы и ее участники, и их близкие. Своеобразным публичным ответом Плеханова на ленинское письмо стала его заметка «Новая жизнь» в третьем, ноябрьском номере «Дневника социал-демократа». В ней не без злорадства отмечалось, что в новой большевистской газете Ленин сотрудничает уже не только с философами-идеалистами, но и с литераторами-декадентами. Это был намек на то, что в «Новой жизни» печатались один из зачинателей русского символизма Н. Минский (Н. М. Виленкин), поэт К. Д. Бальмонт и др. Однако не следует забывать об одном немаловажном обстоятельстве, во многом объяснявшем столь «странное», по мнению Плеханова, сотрудничество лидера большевиков с более чем далекими от марксизма писателями и поэтами: увлеченные вихрем революции, они искренне восхищались в то время борьбой рабочих и посвятили ей несколько ярких произведений, очень созвучных настроениям широких демократических кругов русского общества. Напомним, что стихотворение Константина Бальмонта «Русскому рабочему» начиналось словами: «Рабочий, только на тебя надежда всей России», а в «Гимне рабочих» Минского были такие строки:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Наша — сила, наша — воля, наша — власть.

В бой последний, как на праздник, наряжайтесь!

Кто не с нами, тот — наш враг, тот должен пасть...

И хотя сегодня становится как-то неуютно от последнего поэтического лозунга, его приходится воспринимать уже не просто как проявление большевистского максимализма и нетерпимости к инакомыслию, а как отражение определенного психологического настроения значительной части русского общества, в том числе и интеллигенции в период революционного вихря.

Так или иначе, никакого организационного сближения между Плехановым и Лениным в конце 1905 г. не произошло, а вскоре этот вопрос сам собой сошел с повестки дня.

Наступившее в октябре — ноябре 1905 г. временное равновесие правительственных и революционных сил не могло сохраняться долго, поскольку обе противоборствующие стороны стремились к победе. В ноябре в Петербурге прошла еще одна массовая полити-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIX. С. 388.

ческая стачка, огромное влияние приобрел столичный Совет рабочих депутатов, где тон задавал появившийся нелегально в России еще в феврале Троцкий и периодически появлялись возвратившиеся после издания манифеста 17 октября на родину Ленин, Мартов, Засулич, Дейч. В ноябре произошло новое крупное восстание на Черноморском флоте под руководством лейтенанта Петра Шмидта. Разрасталась аграрная революция. Чувствовалось, что дело идет к решающему открытому столкновению революционеров с царским режимом. Недаром в третьем, ноябрьском номере своего «Дневника» Плеханов писал, что рабочие-дружинники по примеру народо-вольцев 70 — начала 80-х годов прошлого века должны срочно учиться владеть оружием. «Умение хорошо владеть оружием должно стать в нашей среде предметом законной гордости со стороны тех, которые им обладают, и предметом зависти со стороны тех, которые его еще не достигли. Ввиду неслыханных зверств, совершаемых контрреволюционерами, мы в свою очередь должны быть готовы на все. Конечно, кровопролитие не может быть привлекательно ни для кого, кроме озверевших и опьяневших горилл из черных сотен; но оно начато не нами, и еще покойный П.Л.Лавров справедливо сказал, обращаясь к русскому революционеру: «Не ты виной, когда в бою кровь неповинная польется! Без жертв, без крови, без борьбы народам счастье не дается»¹.

В то же время Плеханов предупреждал, что к восстанию нельзя относиться легкомысленно, особенно в такое время, когда «ружья и револьверы начинают стрелять сами собой». Поэтому 3(15) декабря 1905 г. в письме, направленном в редакцию французской социалистической газеты «L'Humanité», Плеханов предостерегал русских социал-демократов от преждевременного, неподготовленного восстания, которое могло бы в создавшихся условиях лишь спасти старый режим, дав реакции предлог для усиления репрессий. Звать рабочих к неподготовленному восстанию, по мнению Плеханова, значило бы толкать их к поражению².

Плеханов все чаще и чаще думал теперь о возвращении в Россию. В ноябре он побывал в русском консульстве в Берне, чтобы похлопотать о получении паспорта и встретил там весьма благоприятный прием, услышав что-то вроде того, что теперь в России нужны именно такие люди, как он. Казалось, все шло как нельзя лучше, но тут Плеханов тяжело заболел. Врачи подозревали, что у него начинается туберкулез гортани, и Георгий Валентинович вынужден был поселиться в Монтре и ездить оттуда на лечение в Лозанну.

Мучительнее всего была даже не сама болезнь, а те нравственные страдания, которые испытывал при этом больной. Состояние

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 352.

² L'Humanité. 1905. 18 decembre.

неопределенности, тоски, какой-то безнадежности буквально давило Плеханова. 4 декабря 1905 г. он писал в Женеву жене, своему «милому Розуику», которая, пожалуй, одна до конца могла понять, что творится у него в душе: «Ох! Надо мне ехать. Поедем, невмоготу мне здесь. Меня тянет в Россию. Я теперь точно дезертир, и все мне противно, я даже работать почти не могу, а это редко бывает со мною. Поедем, а то я с ума сойду. Мое место теперь в России... Будем спешить, а то я дойду Бог знает до чего. Право, я теперь кажусь себе дезертиром, а это самая презренная порода людей. Не затем я жил и работал, чтобы сидеть теперь спокойно, когда там идет борьба»¹.

18 декабря 1905 г. Плеханов направил в Петербург письмо, в котором сообщал, что, несмотря на запреты врачей, советующих ему либо делать операцию, либо лечиться в Алжире, он решил ехать в Россию. «Поездку в Россию все считают безумием, — писал Плеханов. — Но мы недаром переживаем безумное время. Я еду...»²

Одновременно Плеханов изложил свои взгляды на тактику российской социал-демократии в создавшейся ситуации. Он подчеркнул, что для пролетариата выгоднее всего было бы отсрочить решительное столкновение с правительством: апеллировать к силе нужно тогда, когда эта сила есть, а когда ее нет, нужно методично и настойчиво наращивать ее путем ведения революционной агитации, сохраняя при этом необходимое хладнокровие. Между тем и большевистская «Новая жизнь», и меньшевистское «Начало» — две самые влиятельные петербургские легальные социал-демократические газеты того времени — явно хотели как можно скорее довести дело до развязки, что не могло не настораживать Плеханова. Не разделял он и чересчур оптимистических прогнозов Троцкого и Парвуса, ратовавших в «Начале» за «перманентную» революцию и правительство «рабочей демократии», тогда как, по мнению Плеханова, еще не пришло время рвать с теми слоями буржуазии, которые могли бы поддержать натиск народа на абсолютистский режим³.

Письмо было адресовано Плехановым в редакцию формировавшегося тогда в российской столице социал-демократического журнала «Начало», в котором предполагалось участие Мартова, Дана, Парвуса, Троцкого, Ленина, а Плеханову отводилась роль главного редактора. В ходе переговоров с Э.Л.Гуревичем (Е.Смирновым) Плеханов предложил привлечь еще к участию в журнале Засулич, Маслова, сестер Аксельрод и некоторых других лиц. Однако журнал так и не был создан.

¹ Цит. по кн.: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. С. 232 — 233.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 232.

³ Там же. С. 233.

Советы Плеханова, какими бы логичными ни казались они сегодня, уже не могли повлиять на ход событий в России. Первой поднялась сначала на всеобщую политическую забастовку, а потом и на вооруженное восстание пролетарская Москва. Большинство политически активных рабочих самым демократическим из всех возможных способом — путем своеобразного открытого референдума — высказалось здесь за то, чтобы дать бой царскому правительству, арестовавшему 3(16) декабря Троцкого, а также других руководителей и многих рядовых членов Петербургского Совета рабочих депутатов. После этого сомнения некоторых социал-демократов, предупреждавших о незавершенности подготовки восстания и недостаточно боевом настроении войск московского гарнизона, были отброшены. Большевики, меньшевики, эсеры, Московский Совет рабочих депутатов все вместе решили начать 7(20) декабря общегородскую стачку и перевести ее затем в вооруженное восстание. Этот план и был реализован. В дальнейшем отдельные, порой довольно значительные очаги восстания возникла на Украине, в Прибалтике, Сибири и в некоторых других местах. Однако этого оказалось явно недостаточно, чтобы сокрушить царизм. Повстанцы потерпели поражение. Началась полоса карательных экспедиций и массовых расстрелов участников революционного движения.

Именно в это время Плеханов сделал шаг, который отозвался в сердцах многих революционеров и передовых рабочих болью, недоумением и открытым возмущением. В конце декабря 1905 г. вышел из печати четвертый номер «Дневника социал-демократа», где появилось следующее заявление Плеханова: «Несвоевременно начатая политическая забастовка привела к вооруженному восстанию в Москве, в Сороме, в Бахмуте и т.д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие»¹.

Сказано прямо, безапелляционно, даже с вызовом... Но с каким же гневом обрушились на Плеханова за эту его последнюю фразу Ленин и большевики! Ее называли геростратовской, позорной для революционера, ренегатской. С тех пор прошло почти сто лет. Попробуем же разобраться во всем этом более спокойно, без гнева и пристрастия, как любил выражаться вслед за древними римлянами сам Плеханов.

Прежде всего заметим, что он осудил здесь не рабочих, а их вождей, социал-демократов и эсеров, которые не захотели «притормозить» восстание, открыв все шлюзы перед напором народной стихии. Плеханов писал: «Вы скажете мне, может быть, что я хочу тормозить движение. Я спорить и прекословить не буду. Почему и

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 12.

не затормозить его? Роль тормоза не всегда заслуживает осуждения. Ее играл Робеспьер, боровшийся с жирондистами, которые несвоевременно призывали к вооруженному восстанию. Ее играл в 1848 г. неисправимый заговорщик и неукротимый революционер Бланки. Ее играл руководимый Марксом Общий совет Международного товарищества рабочих, предостерегавший — в воззвании от 9 сентября 1870 г. — парижский пролетариат от несвоевременных всплесков»¹.

Правда, при этом Плеханов как будто забыл, что, когда парижские рабочие все же начали восстание, Маркс решительно встал на их сторону, хорошо понимая, что любая попытка заранее учесть шансы революционеров была бы шарлатанством или безнадежным педантизмом и что бывают моменты, когда борьба даже за безнадежное, на первый взгляд, дело необходима для подготовки масс к следующему витку противостояния с властью. А ведь еще совсем недавно, в цитировавшейся нами выше статье «Врозь идти, вместе бить» Плеханов писал то же самое, что и Маркс, прославлявший подвиг парижских коммунаров. Теперь же все переменялось: слова Маркса повторял Ленин, тогда как Плеханов прозрачно намекал, что в Москве революционеры сделали большую глупость, а ее повторение в будущем граничило бы уже с преступлением.

Видимо, каждое новое поколение будет заново отвечать на вопрос о том, нужно или не нужно было братья в декабре 1905 г. за оружие. В советское время его решали, как правило, в духе Ленина, буквально бичевавшего Плеханова за оппортунизм. Сейчас гораздо больше симпатий вызывает позиция Плеханова, ошибочно воспринимаемая многими как его принципиальный якобы отказ от насильственных методов борьбы, что явно не соответствует действительности, но зато отвечает сегодняшним настроениям наших сограждан. А что будет дальше?

Оставаясь на почве исторических фактов, следует признать, что в конце 1905 г. и царское правительство, и революционеры вместе с частью рабочих активно стремились к открытому вооруженному столкновению, которое должно было склонить чашу политических весов в ту или другую сторону. При этом правительство не только отвечало на удары революционеров, но и само провоцировало обострение ситуации в Москве (разгон массового митинга в саду «Аквариум» 8 декабря и нападение на штаб-квартиру московских дружинников в училище Фидлера 9 декабря). В действиях с обеих сторон эмоции, амбиции и доктринальные соображения постоянно брали верх над здравым смыслом и заботой о жизни и безопасности людей. Поэтому судить о московских событиях только с позиций «чистого разума», исходя из соотношения количества дружинников и правительственных войск, их вооружения и т.д., как это делал из своего швейцарского далека Плеханов, было тогда просто нельзя,

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 12.

ибо у этих событий была своя иррациональная, не поддающаяся разумному объяснению «подкладка».

И это, кстати говоря, понимали не только Ленин, считавший, что восстание лучше было бы отложить по крайней мере до весны 1906 г. и видевший все просчеты и ошибки руководителей вооруженного выступления в Москве, но и такой осторожный и трезвый политик, как Милюков, или более эмоциональный и откровенный Петр Струве. Последний по горячим следам восстания писал, что в московских событиях, при всей их бессмысленности, было что-то *роковое*, когда злоба и ожесточение угнетенного народа соединились с безумием, охватившим ожесточенную самодержавием интеллигенцию. По мнению Струве, в Москве были лишь «бутафорские» баррикады и «отчаянно храбрая, геройская борьба нафантазированных, обречших себя гибели рабочих», а не народное восстание как таковое. Но характерно, что Струве пишет далее не о том, что «не нужно было и браться за оружие», а бескомпромиссно осуждает правительство, допустившее, чтобы «с бессмысленностью и беспощадностью беспрецедентной в истории разрушались дома, убивались люди, и участвовавшие и не участвовавшие в движении...», и чтобы после подавления восстания началась бессмысленная и злостная расправа не с «бунтовщиками», а с мирным гражданским населением¹.

П.Н.Милюков в статье «Мораль Московского восстания» позже занял аналогичную позицию, осудив не революционеров, а власть, обреченную из-за своего полного разрыва с обществом на гибель². Согласитесь, что на таком фоне слова Плеханова выглядели уже совсем не так безобидно, как казалось самому Георгию Валентиновичу. Ведь неожиданно для себя он оказался в положении человека, больно задевшего лучшие чувства тех, кто дрался на баррикадах, помогал дружинникам или просто сочувствовал им. А таких обид, как известно, не прощают, хотя сам Плеханов был убежден, что сказал только правду, стараясь предотвратить новые человеческие жертвы в случае попытки повторения неподготовленного восстания и защищая честь своей партии, на которую после декабрьской трагедии 1905 г. многие стали смотреть как на кучку безответственных «вспышкопускателей». Можно почти не сомневаться и в том, что если бы плехановские оценки Московского восстания прозвучали на несколько месяцев позже, то они не встретили бы столь яростного неприятия, как в конце 1905 — начале 1906 г., когда зарево пожаров над Пресней и грохот артиллерийской канонады, образно говоря, еще стояли перед глазами и звучали в ушах свидетелей тех памятных событий. Так или иначе, форма и время, выбранные Плехановым для подведения итогов Московского восстания, оказались крайне неудачными, и ему и при жизни, и осо-

¹ Полярная звезда. 1905. 30 декабря. № 3.

² См.: Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника 1905—1906. СПб., 1907. С. 176—178.

бенно после смерти долго еще поминали вошедшую при советской власти в школьные учебники и ставшую исторической фразой «Не нужно было и браться за оружие».

С другой стороны, шансов на победу дружинников в Москве в декабре 1905 г. действительно было очень мало. Да и победа в одном городе, пусть даже во второй столице империи, еще не могла стать залогом победы революции в целом, поскольку соотношение сил в масштабах всей страны складывалось в конце 1905 г. еще отнюдь не в пользу революционеров. И это отнюдь не было секретом для многих из тех, кто принимал решение о начале Московского восстания. Тем не менее эти люди никогда не казнили себя впоследствии за призывы к оружию, ссылаясь на то, что московские рабочие в тот момент сами буквально рвались в бой. Можно ли было удержать их, уговорить повременить с восстанием, пока не будет обеспечено благоприятное для народа соотношение вооруженных дружинников и царских войск и полиции? Вряд ли, особенно если вспомнить, например, реакцию петербургских рабочих на большевистскую антигапоновскую агитацию накануне Кровавого воскресенья. Да московские революционеры и не собирались заниматься подобными уговорами, ибо в их сознании к концу 1905 г. уже прочно укрепилась мысль о том, что восстание необходимо и неизбежно, а его жертвы окупятся грядущей победой народа. Это и решило в декабре 1905 г. дело.

Подобных примеров не только в отечественной, но и в мировой истории множество. В исторической ретроспекции многое видится совсем не так, как в исторической перспективе. Но люди и целые политические партии живут не только головой, но и сердцем. Так было и так, видимо, будет и впредь, нравится это нам или нет.

Вместе с тем неправильно было бы истолковывать плехановскую оценку Московского восстания как доказательство его перехода на реформистские позиции и принципиального отказа от вооруженной борьбы с правительством. Другое дело, что декабрьская неудача еще больше подогрела в Плеханове чувство осторожности при выборе времени и места будущего восстания, что ярко проявилось, в частности, в его выступлении на IV съезде РСДРП весной 1906 г.

В середине января 1906 г. Плеханов должен был выехать в Россию, где его уже ждали и революционеры, и власти. Пограничной страже на станции Вержболово было дано указание: «Возвращающийся в Россию эмигрант Плеханов аресту не подлежит» (за ним предполагалось установить секретное наблюдение¹). Однако начавшиеся в Петербурге массовые аресты и новый приступ болезни Плеханова перечеркнули все эти планы. Чуть приоткрывшаяся было дверь на родину вновь захлопнулась на целых одиннадцать лет...

¹ ГАРФ. Ф. 102. 1906. Отд. 1. Оп. 235. Д. 753. Л. 80, 83 об.

Но жизнь продолжалась. Продолжалась и революция, вступившая после поражения декабрьских восстаний в свою нисходящую стадию, растянувшуюся, однако, на целых полтора года. При этом в ней появились и новые моменты, связанные с выборами и работой первого российского парламента — Государственной Думы.

Однако Плеханов долго не мог оправиться от пережитого в конце 1905 г. потрясения. И здесь мы должны сделать одно небезынтересное отступление от основной линии нашего повествования.

В феврале 1906 г. Плеханов познакомился на Итальянской Ривьере, где он лечился, со знаменитым русским композитором и пианистом Александром Николаевичем Скрябиным. Встреча произошла в Больяско (близ Генуи) в доме польского социал-демократа В.А.Кобылянского, жена которого училась у Скрябина в Московской консерватории. На первый взгляд Скрябин и Плеханов были настолько разными людьми, что сближение их казалось просто невероятным. Тонкое, почти женственное лицо композитора, его мечтательный взгляд, физическая хрупкость и незащищенность резко контрастировали с несколько пуританской, суровой внешностью Плеханова, со всем его обликом сильного, стареющего орла, привыкшего всегда и во всем быть первым. Диаметрально противоположными были и их мировоззренческие позиции: Скрябин был типичным идеалистом, тяготевшим вдобавок к мистике, тогда как Плеханов непоколебимо стоял на почве материализма. Трудно было заранее сказать, понравится ли Георгию Валентиновичу и музыка Скрябина — дитяе бурного, нервного, построенного на диссонансах двадцатого столетия. Ведь у Плеханова уже давно сложился свой, четко очерченный круг любимых музыкальных произведений — Патетическая соната и Третья (Героическая) симфония Бетховена, «Осуждение Фауста» Берлиоза, «Гибель богов» и «Зигфрид» Вагнера...

Но Скрябин и Плеханов сразу же нашли общий язык и понравились друг другу. Оказалось, что композитор, который с 1904 г. жил и концертировал за границей, пристально следит за событиями на родине, сочувствует революционерам и их борьбе против самодержавия. Музыка Скрябина — а он играл в тот вечер свои этюды, вальсы, «Божественную поэму» и части еще не законченной «Поэмы экстаза» — привела Плеханова в восхищение. Скрябин смущенно сказал, что последнее произведение навеяно революцией в России, а эпиграфом к нему он хотел бы взять строку из революционной песни — «Вставай, подымайся, рабочий народ!».

Плеханов и Скрябин встречались после этого еще много раз — и на Ривьере, и в Швейцарии, куда Плеханов вернулся в середине июня 1906 г. после двух заграничных поездок — сначала во Флоренцию и Рим вместе с дочерью Лидией, а затем на IV съезд РСДРП в Стокгольм, откуда он заехал еще в Берлин и Гамбург. Композитор все больше покорял сердце Георгия Валентиновича: он просил называть себя «товарищем», начал читать по совету Плеха-

нова марксистскую литературу, включая «Капитал», хотя и яростно спорил по философским вопросам, оставаясь на идеалистических позициях. Как вспоминала Р.М.Плеханова, во время одной из прогулок Скрябин, например, всерьез заявил, что поскольку мир создается волей и творческим духом человека, неподвластными действию физических законов, в частности закона всемирного тяготения, то он может броситься с моста вниз и не упасть благодаря силе своей воли. «Попробуйте, Александр Николаевич», — невозмутимо сказал ему Плеханов. Однако от демонстрации рискованного опыта после некоторого препирательства Скрябин все же отказался. Что касается социализма, то композитор считал его лишь ступенью на пути к каким-то высшим, космическим идеалам.

Встречи с Плехановым духовно обогащали Скрябина, помогали шире взглянуть на окружающий мир. В свою очередь, беседы со Скрябиным вызывали у Плеханова, по его собственному признанию, приятное и полезное умственное возбуждение. Через 10 лет, уже после смерти Скрябина (1915 г.), Плеханов писал его другу, доктору В.В.Богородскому: «Когда я встретил его в Больяско, он был совершенно незнаком с материалистическим взглядом Маркса и Энгельса на историю. Я обратил его внимание на важное философское значение этого взгляда. Несколько месяцев спустя, встретившись с ним в Швейцарии, я увидел, что он, отнюдь не сделавшись сторонником исторического материализма, успел так хорошо понять его сущность, что мог оперировать с этим учением гораздо лучше, нежели многие «твердокаменные» марксисты как в России, так и за границей».

Как бы подводя итог своим встречам с выдающимся музыкантом, Плеханов писал: «Александр Николаевич Скрябин был сыном своего времени. Видоизменяя известное выражение Гегеля, относящееся к философии, можно сказать, что творчество Скрябина было его временем, выраженным в звуках. Но когда временное, преходящее находит свое выражение в творчестве большого художника, оно приобретает **постоянное** значение и делается **непреходящим**»¹.

Сохранились и экземпляры двух книг Плеханова с дарственными надписями Скрябину — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и сборник статей «За двадцать лет» (на ее обложке мы читаем: «А.Н.Скрябину от автора в знак искреннего уважения. 1 июля 1906 г.»²).

Чтобы закончить это «музыкальное» отступление от основной темы нашего повествования, отметим, что несколько позже, в марте 1909 г. Г.В.Плеханов познакомился в Ницце с великим русским певцом Ф.И.Шаляпиным, который даже побывал в гостях у Георгия Валентиновича и Розалии Марковны. После этого они получи-

¹ Плеханов Г.В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 2. С. 494—495.

² См.: Бэлза И. Александр Николаевич Скрябин. М., 1987. С. 64.

ли фотографию певца с надписью: «Милейшим супругам Плехановым на память о свидании и в знак искренней симпатии. Федор Шаляпин». Однако финал знакомства оказался совершенно неожиданным. 1 марта 1911 г. Плеханов возвратил упомянутую выше фотографию Шаляпину вместе с запиской такого содержания: «Возвращаем за ненадобностью. Г. Плеханов. Р. Плеханова». Что же произошло? Дело в том, что за границей стал известен эпизод с коленопреклонением Шаляпина перед царской ложей, когда хористы обратились к Николаю II с просьбой о повышении своего жалованья. Плеханов не стал разбираться в мотивах этого поступка, который сам Шаляпин объяснял позже тем, что он ничего не знал о намерениях хористов, растерялся и тоже стал на колени. Для Плеханова был важен сам факт унижения Шаляпина, несовместимый, по его понятиям, с чувством человеческого достоинства и совершенно неприемлемый для него как революционера и демократа¹.

Но вернемся к событиям 1906 г. В марте вышел из печати очередной, пятый выпуск плехановского «Дневника». Здесь были напечатаны статья «К аграрному вопросу в России», где Плеханов снова критиковал идею национализации земли и выступал в поддержку программы «муниципализации», заметки о съезде австрийских профсоюзов и о русских «черносотенцах», а также письмо товарищу С., в котором Георгий Валентинович критиковал большевистскую тактику бойкота выборов в I Государственную Думу. Правда, он еще не ставил здесь вопроса об участии РСДРП в думской работе, поскольку был уверен, что в партии все равно возьмут верх бойкотистские настроения, но подчеркивал важность участия социал-демократов в избирательной кампании как эффективного средства политического просвещения народа.

С начала 1906 г. быстро пошел процесс нового сближения Плеханова с меньшевиками и меньшевиков с Плехановым. Явный поворот меньшевистских лидеров вправо после декабрьских событий 1905 г. создавал реальную основу для наведения мостов между женеvским изгнанником и его духовными «детьми» на родине. Не случайно накануне открытия IV (Объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме группа меньшевистских делегатов обратилась к Плеханову с письмом, в котором называла его и Аксельрода основателями и самыми видными идейными вождями партии и просила их обязательно приехать в шведскую столицу.

Съезд происходил в Стокгольме с 23 апреля по 8 мая 1906 г. в помещении Народного дома, предоставленного русским товарищам шведскими социал-демократами. У большевиков было 46 делегатов с решающим голосом, у меньшевиков — 62. Четверо делегатов представляли внефракционный «центр», но при решении основных вопросов повестки дня примыкали к меньшевикам.

¹ См.: Шаляпин Ф. И. Маска и душа. М., 1990. С. 260–261.

Обстановка на съезде была сложной и очень нервной. Даже не верилось, что делегаты собрались для завершения того затянувшегося объединительного процесса, который начался в РСДРП почти год назад. Пик его пришелся на последние месяцы 1905 г., а к моменту открытия объединительного съезда настроение в «верхах» и большевистской, и меньшевистской фракций было таково, что в пору было не объединяться, а снова расходиться и, пожалуй, даже дальше, чем в 1903–1904 гг. Однако «низы» партии выступали за единство, и это решило дело, хотя характер дискуссий, которые шли в Стокгольме, не оставлял сомнений в том, что объединение будет весьма непрочным и достаточно формальным.

Очень интересную характеристику положения дел в РСДРП накануне съезда мы находим в письме одного из лидеров большевизма той поры Л. Б. Красина. В период революционного «вихря», в октябре–декабре 1905 г. меньшевики, по его словам, ничуть не меньше большевиков увлекались забастовками и вооруженной борьбой. Однако после разгрома Декабрьского вооруженного восстания меньшевики пришли к выводу, что «все это была ошибка» и что все «бредни» на этот счет пора бросить, сосредоточив усилия на использовании легальных возможностей. По словам Красина, «большинство» и «меньшинство» в Стокгольме отделились друг от друга, как масло от воды, а «при таких условиях весь смысл съезда свелся почти исключительно только к противопоставлению двух позиций и закреплению их в протоколах на поучение будущему историку»¹.

Формально Плеханов не был делегатом IV съезда РСДРП и присутствовал на нем лишь в качестве «приглашенного» наравне с П. Б. Аксельродом, участником I съезда РСДРП П. Л. Тучапским и известным в прошлом «экономистом» В. П. Акимовым (Махновцем). Тем не менее еще до приезда в Стокгольм — а Георгий Валентинович запоздал к открытию съезда — его заочно избрали в президиум, хотя из-за болезни он не председательствовал ни на одном заседании и эту роль выполняли поочередно В. И. Ленин и меньшевик Ф. И. Дан. Характерно, что при выборах президиума Плеханов получил наибольшее количество голосов (71), тогда как за Дана проголосовали 67 делегатов, а за Ленина — 60.

Появление Плеханова и Аксельрода на четвертом заседании съезда было встречено аплодисментами делегатов, а председательствовавший в этот день Ленин приветствовал их как родоначальников русской социал-демократии. На следующем заседании Плеханов пережил еще несколько приятных минут во время приветственного выступления представителя болгарских социалистов Бара. С болгарским освободительным движением у русских революционеров были давние связи: здесь сказывалась и близость национальных культур, и особая роль России в освобождении Болгарии от турец-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 596. Л. 1–2.

кого ига. Немало общего было и в процессах развития рабочего движения в Болгарии и России. Поэтому первые марксистские работы Плеханова оказались очень созвучными настроениям многих болгарских социалистов, а болгарин Димитр Благоев открыл длинный список болгарских корреспондентов группы «Освобождение труда», в котором были также Георгий Бакалов, Христиан Раковский, Роман Аврамов и др. Свыше 60 работ Плеханова были переведены на болгарский язык и напечатаны в различных социал-демократических изданиях. Кроме того, несколько статей и заметок Георгий Валентинович написал специально для болгарской социалистической печати. Многочисленные болгарские студенты, учившиеся за границей, также помогали распространению взглядов Плеханова у себя на родине. Обо всем этом напомнил делегатам IV съезда РСДРП представитель болгарских социалистов, вызвав в зале овацию в честь Плеханова.

А затем на протяжении целых пяти дней делегаты съезда обсуждали изменения в аграрной части программы РСДРП, которые необходимо было внести после бурных событий 1905 г., показавших, что прежняя «отрезочная» программа безнадежно устарела, поскольку все слои крестьянства — от самых зажиточных до самых бедных — требуют полной ликвидации помещичьего землевладения. Поэтому уже в 1905 г. и большевики, и меньшевики заявили, что будут поддерживать самые радикальные требования крестьян вплоть до конфискации всех казенных, монастырских, удельных и помещичьих земель. Обе фракции РСДРП были едины и в том, что все конкретные проблемы, связанные с землевладением и землепользованием, будут решать на местах избранные демократическим путем крестьянские комитеты, а потом — Всероссийское Учредительное собрание. Но оставался открытым, пожалуй, главный вопрос — вопрос о том, кому должна принадлежать в России земля.

Мнения здесь разделились. Часть большевиков во главе с Лениным выступала за национализацию всей земли, включая крестьянские наделы. Они были убеждены в том, что такая радикальная мера снимет все преграды на пути развития капитализма в деревне, удовлетворит крестьян, не приемлющих в массе своей частную собственность на землю, и создаст благоприятные предпосылки для будущей коллективизации сельского хозяйства после победы пролетарской революции. При этом большевики подчеркивали, что непременным условием успеха национализации земли является полная и радикальная (вплоть до выборности всех чиновников народом) демократизация политического строя России в результате народной революции.

Часть большевиков и меньшевиков отдавала предпочтение разделу земли в собственность крестьян. Но основная часть меньшевистских делегатов съезда поддержала программу «муниципализации», предложенную П. П. Масловым и предусматривавшую передачу крупных и средних помещичьих имений в распоряжение органов

местного самоуправления для последующей раздачи этих земель в аренду крестьянам. И хотя план «муниципализации» был намечен лишь в самых общих чертах и оставалось совершенно неясным, примет его крестьянство или нет, меньшевики, включая Плеханова, объявили идею Маслова оптимальным вариантом решения аграрно-крестьянского вопроса в России.

Достоинство «муниципализации» меньшевики видели в том, что она давала известные гарантии от диктата «центра» по отношению к отдельным регионам страны, прежде всего национальным, где аграрный вопрос решался не так, как в чисто русских губерниях. По мнению меньшевиков, степень демократизации всех общественных структур на местах могла быть значительно выше, чем на общегосударственном уровне, особенно если учесть традиционную силу и крайнюю живучесть российской бюрократической системы. Поэтому даже в случае отката революции назад и реставрации самодержавия, как считали меньшевики, на местах можно было хотя бы частично сохранить демократические завоевания, и «муниципализация» земли помешала бы восстановлению помещичьих латифундий и прежней системы аграрных отношений.

Бесспорно, в этих рассуждениях было определенное рациональное зерно. Однако нетрудно видеть, что никаких абсолютных гарантий от реставрации «муниципализация» земли не давала (по мнению Ленина, здесь могла бы помочь только победа социалистической революции на Западе). Больше того, были достаточно веские основания полагать, что в случае возврата к самодержавному строю были бы быстро ликвидированы и демократические органы местного самоуправления, и принадлежащая им муниципальная собственность, в том числе и земельная. Можно было усомниться и в том, что крестьяне с радостью примут «муниципализацию», ибо в подавляющем большинстве своем они хотели получить помещичью землю немедленно, бесплатно и без всяких посредников, а к земствам относились достаточно скептически.

Плеханов выступил на съезде как один из докладчиков по аграрному вопросу. Он поддержал идею «муниципализации» земли, не зарекаясь, впрочем, и от возможности ее раздела, но категорически отверг большевистскую программу национализации, акцентируя внимание делегатов на том, что в случае поражения революции она лишь укрепит позиции самодержавия. На первый взгляд, забота Плеханова о том, чтобы программа партии по аграрному вопросу была «подкована на все четыре ноги» и предусматривала не только оптимальный вариант развития революционных событий, но и возможное поражение революционеров, выглядела очень привлекательно. Однако никаких серьезных аргументов в пользу программы «муниципализации» Плеханов не привел, не поспеившись зато на резкие выпады в адрес Ленина. Он обвинял его в анархизме, эсеровщине, претензиях на захват власти и назвал требование национализации земли антиреволюционным. В свою очередь большеви-

ки И.В.Сталин, Г.А.Алексинский, А.В.Луначарский, И.А.Теодорович, С.И.Гусев очень резко и далеко не всегда справедливо обвиняли Плеханова в слабости аргументации, «кадетских замашках», «неофобии» (боязни новизны) и т.д.

Наиболее серьезный и аргументированный ответ Плеханову дал в своем заключительном слове Ленин. По существу почти все оно было посвящено полемике с Плехановым. Особенно подробно Ленин остановился на вопросе о «гарантиях от реставрации», заявив, что до тех пор, пока на Западе не победит пролетариат, в России будет существовать угроза реставрации царского режима, ибо сами по себе ни национализация, ни «муниципализация», ни раздел земли абсолютных гарантий от возврата к старому дать не могут. Если же говорить о гарантиях относительных и условных, то их может обеспечить лишь решительная победа народа над самодержавием, подчеркнул лидер большевиков.

Плеханов выступал с заключительным словом после Ленина, что позволило ему немедленно откликнуться на ленинские замечания. Держался он непринужденно, уверенно и даже остроумно пошутил по поводу реплики одного из делегатов, сказавшего, что в жизни Плеханова-революционера наступили осенние дни: под общий смех Георгий Валентинович сравнил текущий этап своей деятельности с «бабьим летом». А ответ Ленину он начал несколько необычно: «С Лениным мне пришлось уже сломать не одно копые во взаимной борьбе. Тем приятнее мне, что я могу начать свое возражение ему с комплимента. Он прекрасно говорил. Слушая его, я припоминал, как покойный Лавров говорил мне: в вас пропал прекрасный адвокат. В т. Ленине, поистине, пропал превосходный адвокат. Тов. Ленин сказал в защиту своего проекта все, что можно было сказать. Но видно слабо то дело, которое защищает этот превосходный адвокат, если защита все-таки оказалась слабой. Тов. Ленина можно назвать, по известному французскому выражению, *avocat d'une cause perdue* (защитником проигранного дела. — Фр.). Его дело потеряно перед судом логики. Если т. Ленин, говоривший 3/4 часа, не мог ничего существенного сказать в пользу своего проекта, то ясно, что в его пользу и сказать нечего»¹, — заявил Плеханов.

Однако вслед за столь многообещающим началом не последовало ни одного серьезного аргумента в пользу проекта «муниципализации». Вместо этого Плеханов вновь вернулся к вопросу о гарантиях от реставрации и с победоносным видом сказал: видите, Ленин сам признал, что абсолютной гарантии от реставрации национализация земли не дает. Не убедили Плеханова и слова Ленина о том, что единственно реальной, хотя и относительной гарантией от возврата к старым порядкам могла бы послужить лишь полная победа революции. При этом он сослался на то, что во Франции ни якобинская

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XV. С. 73.

диктатура, ни беспощадная плебейская расправа с феодальным строем не предотвратили тем не менее реставрации Бурбонов после свержения Наполеона.

По мнению Плеханова, национализация земли в России лишь упрочила бы то азиатское, восточно-деспотическое начало, которое всегда было традиционно сильно в ее истории, и помешала бы процессу европеизации страны, горячим сторонником которого он был. В высшей степени характерно и то, что Плеханов по существу отказался серьезно обсуждать проблему национализации земли, допуская эту меру лишь в рамках социалистического переустройства общества. Иначе говоря, он не проявил себя как серьезный экономист, трезво взвешивающий все «за» и «против» национализации или «муниципализации» земли, предпочитая перевести всю дискуссию в чисто политическую плоскость, что было явно недостаточно.

Формально Плеханов мог торжествовать победу, ибо большинством голосов съезд одобрил аграрную программу, предусматривавшую «муниципализацию» помещичьих земель. Ленин снял свой проект, проголосовав вместе с большевиками-практиками за раздел (эта программа, кстати говоря, тоже не набрала необходимого количества голосов). Но, несмотря на бурные прения и работу специальной комиссии, членом которой был и Плеханов, принятый съездом итоговый документ страдал распылчатостью, недоговоренностью и объединял «муниципализацию» с национализацией части земель, лесов и водных ресурсов, имеющих общегосударственное значение. В тактической резолюции по аграрному вопросу, принятой параллельно с программой, предусматривалась — опять-таки в соответствии со взглядами Плеханова — возможность раздела тех помещичьих земель, на которых «фактически ведется мелкое хозяйство». Однако, как бы разумна сама по себе ни была подобная многовариантность предложенного решения аграрного вопроса, она не вносила ясности во многие весьма существенные детали. Не очень понятно было, например, что понимается под «крупными органами местного самоуправления», в руки которых должна была поступить конфискованная у церкви, удельного ведомства и помещиков земля, как и на каких условиях получают эти земли крестьяне, кто будет считаться собственником наличных крестьянских наделов, какая судьба ждет крестьянскую общину и т.д. Все это свидетельствовало о серьезных изъянах аграрной программы РСДРП, принятой в Стокгольме, и авторитет Плеханова, который считался одним из ее авторов, положения здесь явно не спасал.

К сожалению, в протоколах съезда не нашла полного отражения дискуссия по вопросу о текущем моменте, в том числе и выступление Плеханова. Но судя по речам других делегатов, он попытался ответить на прямые обвинения в оппортунизме, высказанные в партийной печати еще накануне IV съезда РСДРП. В изданном в 1906 г. московскими большевиками сборнике «Текущий момент» была, в частности, опубликована статья И.И.Скворцова-Степанова

с критикой третьего и четвертого номеров плехановского «Дневника». Отдавая должное прошлым революционным заслугам Плеханова, автор писал, что, находясь в эмиграции и «наблюдая непосредственную жизнь издали», он оказался во власти своего рода «ошибок зрения», которые в свое время сыграли известную роль и в повороте к оппортунизму Бернштейна. Продолжая эту мысль, Скворцов-Степанов отмечал и еще одну черту сходства между позициями Бернштейна и Плеханова: первого хвалила немецкая буржуазия, второго — русская¹.

Как известно, русские марксисты всегда считали, что любая похвала в их адрес, исходящая от политического противника, — это верный признак сползания адресата подобного комплимента к оппортунизму. Этой максималистской точки зрения придерживался и Плеханов, пока сам не оказался в положении человека, которому подают руку с «того берега». Надо сказать, что русская либерально-буржуазная печать с восторгом встретила плехановские оценки Декабрьского вооруженного восстания в Москве и особенно его статьи, направленные против бойкота Государственной Думы. «Если бы все «товарищи» Плеханова понимали то, что понимает самый выдающийся из их вождей, и если бы они так же мало, как он, «смущались похвалами либеральной буржуазии». Боже мой, как это упростило бы выяснение нашей текущей политической задачи и как сильно продвинулось бы ее разрешение! Мы можем только пожелать, чтобы на сегодняшний день это верное понимание того, что требует марксизм от своих последователей, одержало верх над пониманием шаблонным»², — писала кадетская «Речь».

Прочитав статью Скворцова-Степанова, Ленин не отказал себе в удовольствии заметить: «Про Плеханова замечательно верно сказал тов. Степанов... что с ним приключилось нечто подобное Бернштейну. И как Бернштейна в свое время на руках носили немецкие либералы и перевозносили до небес все «прогрессивные» буржуазные газеты, так нет теперь в России либеральной газеты, даже либеральной газетной статьи... которые бы не обнимали, не целовали, не миловали мудрого и дальновидного, рассудительного и трезвого Плеханова, имевшего мужество восстать против бойкота»³.

Задетый за живое, Георгий Валентинович решил ответить на эти выпады в свой адрес на партийном съезде, заявив, что в отличие от Бернштейна он никогда не делал теоретических уступок буржуазной идеологии, а кадеты «любят» его только за тактику. Однако большевиков, в том числе и Ленина, этот ответ явно не удовлетворил.

¹ Текущий момент. М., 1906. С. 1—2.

² Речь. 1906. 20 марта (2 апреля). См. также: Речь. 1906. 20 февраля (5 марта); Полярная звезда. 1906. № 10. С. 680.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 273.

Съезд рассмотрел и два очень важных тактических вопроса. Один из них достался ему по наследству от грозового 1905 г. и был связан с отношением социал-демократии к вооруженному восстанию, второй касался линии поведения РСДРП в связи с предстоящим 27 апреля 1906 г. открытием I Государственной Думы.

Официально лозунг вооруженного восстания не был снят партией вплоть до конца революции, однако неудача декабрьских боев в Москве и ряде других районов страны заметно поубавила энтузиазм тех, кто занимался в РСДРП военно-боевой работой. На смену революционной романтике приходил более трезвый, взвешенный анализ недавних событий, в результате которого яснее становились недоработки и просчеты партии. Ведь в техническом отношении декабрьские восстания 1905 г. были подготовлены явно недостаточно, момент для их начала был выбран не лучшим образом, а партийному руководству вооруженной борьбой не хватало таких качеств, как решительность, четкость, стабильность, компетентность.

Вот почему совершенно необходимо было обсудить весь комплекс вопросов, связанных с военно-боевой работой партии, с учетом новой ситуации, которая возникла в стране после декабря 1905 г. К сожалению, съезд приступил к их рассмотрению уже под занавес своей работы и вынужден был сильно сократить время дискуссии, отведя на нее лишь два заседания. Правда, перед этим в течение двух дней заседала специальная комиссия под председательством Плеханова, однако ни к какому определенному решению она не пришла. Большевики были убеждены, что новое восстание — вопрос нескольких ближайших месяцев и необходимо сделать все возможное для его практической подготовки с учетом неудачного опыта декабря 1905 г. Меньшевики же так явно не считали, повторяя свой излюбленный тезис о «самовооружении» народа, важности агитации за восстание и предостерегая от попыток вовлечь пролетариат в вооруженную борьбу с правительством при неблагоприятных для рабочих условиях.

Плеханов тоже выступил при обсуждении данного вопроса, причем красной нитью через всю его речь проходила мысль о том, что новое восстание — это дело далекого будущего и народ еще не прошел школу всесторонней подготовки к предстоящим боям. При этом он сослался на опыт подготовки пруссаков к борьбе с Наполеоном после проигранного ими в 1807 г. Йенского сражения, которая заняла не один год. Он призвал делегатов съезда голосовать за проект меньшевиков, который и был принят большинством голосов с некоторыми редакционными поправками.

Активно участвовал Плеханов и в обсуждении вопроса о думской тактике РСДРП. Здесь он снова чувствовал себя победителем, поскольку съезд отменил тактику бойкота Думы, призвал социал-демократов принять участие в выборах там, где к моменту работы

партийного съезда они еще не закончились, и фактически санкционировал создание думской фракции РСДРП. Выступая на съезде, Плеханов подчеркнул, что Дума стоит на столбовой дорожке революции и пренебрегать ею как важным, хотя и не главным, средством политического воспитания народа было бы большой ошибкой.

Плеханову было поручено закрыть IV съезд РСДРП. Он приветствовал объединение партии и вступление в РСДРП польских, литовских, латышских социал-демократов и бундовцев. Говоря о серьезных разногласиях, выявившихся на съезде, Плеханов подчеркнул, что, несмотря ни на что, большевики и меньшевики все же стоят ближе друг к другу, чем к кому-либо из тех, кто находится за пределами РСДРП. «Борьба становится все более и более жесткой; жертв будет много; но если погибнут отдельные личности, то дело наше не погибнет. Мы победим! Уверенность в этом наполняет сердца всех нас, и вот почему, заканчивая съезд, все мы сольемся в единодушном крике: Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия, да здравствует российский пролетариат, да здравствует великая российская революция, да здравствует международная социал-демократия!» — эти слова Плеханова потонули в аплодисментах и звуках Интернационала¹.

После съезда Плеханов заезжал в Берлин и Гамбург, где встречался с руководителями германской социал-демократии. В Берне и Цюрихе он прочитал доклады о IV съезде РСДРП перед русскими политическими эмигрантами, а лето 1906 г. провел в деревушке Шарне на берегу Женевского озера. Здесь он оставался до конца сентября 1906 г., когда вернулся в Женеву.

После Объединительного съезда Плеханов уделял особенно много внимания тактике РСДРП в связи с созывом I Государственной Думы (27 апреля — 8 июля 1906 г.). Он неоднократно выступал в то время на страницах петербургской меньшевистской газеты «Курьер», где были опубликованы, в частности, два его «Письма о тактике и бестактности» (все пять писем вышли затем в издательстве Марии Малых в Петербурге отдельной брошюрой). Плеханов призывал рабочих поддержать борьбу Думы с правительством, одобрил выдвинутый кадетами лозунг создания ответственного перед ней кабинета министров и положительно оценил выступления кадетских депутатов в защиту демократических прав и свобод. После досрочного роспуска Думы царем он не солидаризировался ни с меньшевистским планом проведения всеобщей политической забастовки в ее защиту, ни с эсеровскими призывами к немедленно вооруженному восстанию, ни с кадетским лозунгом гражданского неповиновения царским властям, к которому присоединилась во время известного Выборгского совещания депутатов распушенной

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 86.

Думы и фракция РСДРП¹. Плеханов советовал терпеливо ждать того момента, когда революционное настроение овладеет всем народом и значительной частью армии и когда «общество» поддержит усилия революционеров. Нужно, чтобы вся крестьянская Россия испытала на себе революционизирующее воздействие пролетарской партии. «Мы не можем победить, не сделав этого; а сделав это, мы не можем не победить», — считал он².

В июльском и августовском выпусках своего «Дневника» (№ 6 и 7) Плеханов сделал явный поворот влево, выдвинув лозунг созыва Учредительного собрания и установления самодержавия народа. Он считал, что роспуск I Думы изменил соотношение сил в пользу революции, частично рассеял конституционные иллюзии и убил всякую надежду на мирное разрешение переживаемого страной кризиса. Однако дальнейшее развитие событий показало, что Плеханов и предсказывавший новое вооруженное восстание осенью 1906 г. Ленин ошиблись. Июльский политический кризис привел не к ослаблению, а к укреплению самодержавного режима. В стране были введены военно-полевые суды. Премьер Столыпин торжествовал победу над революционерами, хотя окончательно подавить революцию еще не смог.

В этих условиях Плеханов начинает опять поворачивать вправо, возлагая теперь все надежды на выборы во II Государственную Думу. Выступая на страницах левой беспартийной петербургской газеты «Товарищ» (которую большевики считали органом левых кадетов и резко осудили поэтому Плеханова за публикации в «буржуазной прессе»), Георгий Валентинович обратился 31 октября 1906 г. к рабочим с призывом не допустить прихода в новую Думу правых депутатов и блокироваться для этого с оппозиционными непролетарскими партиями, т. е. прежде всего с кадетами. Лозунгом такого блока должен был стать девиз: «Полновластная Дума!» Однако кадеты предпочитали теперь занимать более осторожную позицию и вовсе не торопились поддержать идею Плеханова, хотя на практике блоки социал-демократов и кадетов на выборах во II Думу были более частым явлением, чем так наз. «левый блок» социал-демократов с неонародническими партиями (в 42 городах взяла верх тактика соглашения с кадетами, а в 40, включая Петербург и Москву, — тактика «левого блока») ³.

Плеханов оказался в очень сложном положении: с одной стороны, он пошел значительно дальше решений IV съезда и Таммерфорской конференции РСДРП, которые считали, что на первой

¹ Подробнее см.: Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991.

² Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 167.

³ См.: Тютюкин С. В., Шелухаев В. В. Марксисты и русская революция. С. 122.

стадии выборов блоки с кадетами недопустимы, тогда как Плеханов их откровенно одобрял; с другой, — лозунг «Полновластная Дума!» не был поддержан кадетами, увидевшими в нем чуть ли не призыв к государственному перевороту, тогда как они хотели законодательствовать, а не митинговать в новой Думе. В итоге разразился скандал, сопровождавшийся шумными обвинениями Плеханова в оппортунизме со стороны большевиков и не без труда замятый преобладавшими тогда в ЦК РСДРП меньшевиками¹.

Лейтмотивом всех выступлений Плеханова в период отступления революции могли бы стать его слова из первого «Письма о тактике и бестактности», где говорилось: «Трудность состоит не в том, чтобы сознать противоположность интересов буржуазии и пролетариата. В наших рядах сознание этой противоположности приобрело уже, можно сказать, прочность предрассудка. Трудность состоит в том, чтобы, сознавая эту противоположность и поступая всегда и вполне сообразно этому своему сознанию, определить те приемы нашей деятельности, которые дали бы нам возможность использовать — в интересах освободительного движения пролетариата — нынешнее оппозиционное настроение нашей буржуазии»².

С точки зрения формальной логики это был прекрасный план. Беда состояла, однако, в том, что в реальной жизни степень поляризации классовых интересов российского пролетариата и буржуазии была уже такова, что полноценные политические блоки между представлявшими их партиями оказались в 1905 — 1907 гг. и позже невозможными. Буржуазии, которая привыкла ориентироваться в России на правящие «верхи», а не на компромиссы с трудящимися классами, не нужен был столь строптивый и сильный союзник, как российский пролетариат. В свою очередь, сочувствовавшие революции рабочие слишком хорошо знали истинную цену либерализму отечественной буржуазии, чтобы принимать его всерьез в своих политических расчетах. Не случайно тактические планы Плеханова не встретили понимания ни у большевиков, ни у основной массы меньшевиков, которым его политическая линия казалась слишком прокадетской.

Не больше понимания нашли взгляды Плеханова и среди западноевропейских социалистов, которые, казалось бы, должны были прекрасно понимать его желание создать в России общенациональный фронт борьбы с абсолютизмом.

В первой половине октября 1906 г. Плеханов разослал ряду видных деятелей международного социалистического движения анкету с вопросами о характере русской революции и тактике РСДРП. Такое анкетирование было широко распространено тогда во II Интернационале и являлось одной из форм обсуждения наибо-

¹ Члены ЦК от большевиков Л.Б.Красин и А.А.Богданов предлагали указать Плеханову на нарушение им партийной дисциплины.

² Плеханов Г.В. Соч. Т. XV. С. 95.

лее актуальных и спорных вопросов теории и практики международного социализма. Сам Плеханов не раз участвовал в подобных опросах¹, а теперь сам решил укрепить свою позицию в споре с большевиками мнением западных марксистских авторитетов.

Анкета включала в себя три вопроса: «1. Каким представляется общий характер русской революции? Стоим ли мы перед лицом буржуазной или же социалистической революции? 2. Ввиду отчаянных усилий, прилагаемых русским правительством для изоляции революционного движения, какова должна быть позиция социал-демократической партии по отношению к буржуазной демократии, которая по-своему тоже борется за политическую свободу? 3. Какова должна быть тактика социал-демократической партии при выборах в Думу, чтобы, оставаясь на точке зрения амстердамской резолюции², она могла использовать для борьбы с нашим старым режимом силы буржуазных оппозиционных партий?»³

Результаты опроса явно разочаровали Плеханова. Август Бебель и Жан Жорес — а они были в то время особенно популярны среди западноевропейских социалистов — вообще предпочли уклониться от ответа. Письма, полученные от итальянца Филиппо Турати и редактора английского социалистического еженедельника «Justice» Гарри Квелча, были предельно лаконичны и уклончивы по содержанию, а Карл Каутский, наоборот, ответил длинной статьей, опубликованной в теоретическом органе германской социал-демократии журнале «Die Neue Zeit», за которую с огромной радостью ухватились большевики, увидевшие в ней подтверждение правильности своей стратегии и тактики. Недаром они издали ответ Каутского на анкету Плеханова в виде отдельной брошюры, предисловие к которой написал сам Ленин.

Лишь старый друг Плеханова Жюль Гед пролил бальзам на его душевные раны, заявив, что не надо бояться соглашений с кадетами, поскольку в России и пролетариат, и буржуазия борются с самодержавием. «Какое нам дело до того, что пули будут пущены не из наших ружей, лишь бы метили они в нашу цель и разили то, что нам надо поразить!» — писал он⁴. Секретарь Международного социалистического бюро бельгиец Камиль Гюисманс подошел к вопросу о возможности соглашения социал-демократов с либералами уже более осторожно: он подчеркнул, что поведение кадетов не дает оснований рассчитывать на реальность их «демократических

¹ Известны его ответы на вопросы, связанные с возможностью участия социалистов в буржуазных правительствах, проблемой всеобщей стачки, отношением пролетариата к патриотизму и интернационализму и др.

² Имеется в виду резолюция Амстердамского конгресса II Интернационала 1904 г., осуждавшая участие социалистов в буржуазных правительствах.

³ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. II. С. 355 — 356.

⁴ Современная жизнь. 1906. Декабрь. С. 201 — 202.

чувств», но в тех случаях, когда на выборах в Думу сталкиваются два буржуазных кандидата, рабочие должны подавать свой голос против более опасного для них политического противника¹. Председатель Международного социалистического бюро Эмиль Вандервельде обошел вопрос о взаимоотношениях социал-демократов с кадетами, но призвал русских товарищей проявлять поменьше «теоретической шепетильности» и не только принять участие в работе Думы, но и придать ей максимально возможную революционную окраску, заставив либеральные элементы считаться с социалистами².

Характерно, что почти все ответившие на анкету так или иначе признали значительное своеобразие русской революции по сравнению с ее «классическими» предшественницами, связав его прежде всего с той выдающейся ролью, которую играли в борьбе с царизмом пролетариат во главе с РСДРП и крестьянство. Что касается Каутского, то он прямо заявил, что к революции, происходящей в России, не подходит ни один из старых шаблонов: ее нельзя считать ни буржуазной в общепринятом смысле этого слова, поскольку буржуазия уже не является ее движущей силой, ни социалистической, ибо она не ведет непосредственно к установлению диктатуры пролетариата. Скорее всего, продолжал Каутский, русскую революцию можно охарактеризовать как своеобразный процесс, происходящий на границе между буржуазным и социалистическим обществом: он способствует ликвидации первого, готовит условия для возникновения второго и дает толчок прогрессивному развитию всех стран буржуазной цивилизации.

РСДРП, по мнению Каутского, не может заранее отказываться от мысли о возможности своей победы. Больше того, она должна стремиться победить и может победить, хотя ей, разумеется, и не удастся немедленно ввести в России социализм. Но такая победа станет возможна лишь тогда, когда российский пролетариат добьется поддержки всех слоев трудящегося населения страны и прежде всего крестьянства, с которым его связывают общие экономические интересы. Что же касается совместных действий рабочих с либералами, то они допустимы лишь там и в такой форме, где это не помешает совместным действиям пролетариата и крестьянства. При этом Каутский рисовал довольно радужную для русских марксистов перспективу: по мере обострения аграрного вопроса либерализм изживает себя, в деревне растет влияние социалистических партий и в конце концов социал-демократы, сплотив вокруг себя массы, одерживают победу³.

¹ Современная жизнь. 1906. Ноябрь. С. 199.

² Там же. С. 223–225.

³ См.: Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. М.-Л., 1926. С. 28–29. Каутский вообще сильно полевел под влиянием Первой российской революции, отказавшись даже от своих прежних пессимистических взглядов на возможность победы вооруженного восстания (см.: Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. С. 296–298, 205).

Плеханов, сделав хорошую мину при плохой игре, отреагировал на это так: «Я не думаю, чтобы мой друг Каутский далеко разошелся со мною в этом случае: в интересующих нас статьях его мнение выражено слишком неопределенно, чтобы можно было составить себе о нем точное понятие. Но если бы — что, повторяю, кажется мне маловероятным — он согласился с гг. «большевиками», то я, в свою очередь, не согласился бы с ним, как не согласился в 1900 г. по вопросу о Мильеране. Мне это было бы тяжело, но я думаю, что события оправдали бы меня, как уже оправдали они мою критику парижской резолюции Каутского»¹. Плеханов подчеркнул, что остается при своем прежнем мнении о нежелательности преждевременного прихода РСДРП к власти, и заметил, что Каутский преувеличивает степень революционности русского крестьянства и идеализирует его взаимоотношения с пролетариатом, поскольку их экономические интересы далеко не совпадают. Что касается кадетов, то они, по мнению Плеханова, еще не стали консервативной партией и остаются пока партией «народной полусвободы».

Очень знаменательно, что Плеханов предпочел не обращаться к представителям левого крыла II Интернационала — Розе Люксембург, Карлу Либкнехту, Генриетте Роланд-Гольст, позиция которых казалась ему близкой к большевизму. Ответы Ф. Турати, Г. Квелча, Э. Вандервельде, К. Гюисманса, Э. Ансея, Ж. Геда, П. Лафарга, Э. Вайана, Э. Ферри, женевского профессора Э. Мильо, а также русского эмигранта Ф. Ротштейна, который жил тогда в Англии, были опубликованы в ноябре–декабре 1906 г. в московском журнале меньшевистского направления «Современная жизнь», где Плеханов сотрудничал в 1906–1907 гг. Кстати говоря, от имени редакции этого органа Плеханов и рассылал свою анкету. Ответ К. Каутского в «Современной жизни» опубликован не был. В целом Плеханов не добился поставленной цели: международная анкета не укрепила его позиций ни в российском социал-демократическом движении, ни за рубежом, где многие смотрели на социалистические потенции русской революции с гораздо большим оптимизмом, чем «отец» русского марксизма², хотя этот оптимизм в исторической ретроспекции представляется нам не слишком обоснованным.

Вопросы, поставленные в анкете Плеханова, обсуждались в мае 1907 г. и в Лондоне, где заседал V съезд РСДРП. Его недаром назвали «путешествующим»: ведь сначала делегаты направились в Копенгаген, потом, когда датские власти под нажимом царского правительства запретили проведение съезда, было решено переехать «по соседству» в Швецию, и только после того, как и этот план был сорван, пестрая, разноплеменная компания революционе-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 301.

² Подробнее см.: Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. С. 288–300.

ров из России прибыла в британскую столицу. Англичане уже не раз давали приют борцам против самодержавия — Герцену и Огареву, Кропоткину и Степняку-Кравчинскому, редакции «Искры», делегатам II и III съездов РСДРП. Но такого многочисленного революционного «десанта» на берега туманного Альбиона, пожалуй, не высаживалось еще никогда — более 300 делегатов представляли Российскую социал-демократическую рабочую партию, насчитывавшую к тому времени 150—170 тыс. членов. Среди делегатов было 89 большевиков, 88 меньшевиков, 55 бундовцев, 45 представителей социал-демократии Польши и Литвы, 26 латышей. Блок большевиков с национальными социал-демократическими организациями обеспечил им доминирующие позиции на Лондонском съезде.

Заседания проходили в Бразерхудчерч — церкви Братства в рабочем квартале северо-восточного района Лондона. Ее настоятелем был один из английских социалистов, согласившийся помочь русским товарищам.

Вместе с делегатами в работе съезда участвовало около полусотни гостей, среди которых были вдова трагически погибшего в 1895 г. в Лондоне Сергея Крачинского, Фанни Степняк, и давний знакомый Плеханова, член исполкома «Народной воли» Аарон Зунделевич. Вообще на встречи со старыми товарищами Плеханову тогда очень повезло. На съезде был представлен весь цвет российской социал-демократии. Почти в полном составе собралась вновь редакция «старой» «Искры» (не приехала только Вера Засулич, вернувшаяся в ноябре 1905 г. в Россию и на время как бы ушедшая в тень). Из Грузии прислали мандаты для Плеханова, Аксельрода и Потресова, Ленин был делегатом от Верхне-Камской организации, Мартов — от Петровской. Делегатом с совещательным голосом стал и бывший член группы «Освобождение труда» Лев Дейч. По воле судьбы в церкви Братства Плеханов встретился также с малосимпатичными ему Троцким, Мартыновым и Даном, а также с руководителями польских социал-демократов Розой Люксембург и ее гражданским мужем Лео Иогихесом (Тышкой), отношения с которым оставались у него натянутыми еще с 90-х годов XIX в.

ЦК РСДРП поручил открыть съезд Плеханову, который призвал делегатов «без гнева и пристрастия» рассмотреть спорные вопросы. При этом он заявил, что попытки достигнуть договоренность облегчаются тем, что в российской социал-демократии «почти совсем нет ревизионистов». Как вспоминал потом Горький, этой фразой Плеханов страшно рассмешил Ленина: он согнулся, лысина его покраснела, а плечи затряслись в беззвучном смехе. Рабочие, сидевшие вокруг, тоже заулыбались, а из конца зала кто-то спросил: «А по ту сторону (имелись в виду скамьи меньшевиков. — С.Т.) — какие сидят?»¹

¹ Горький М. Мать. Воспоминания. М., 1985. С. 357.

Плеханова встретили и проводили аплодисментами, однако при выборах президиума он получил лишь 120 голосов, тогда как Ленин собрал 144, а Дан — 143. Больше же всего голосов было у латыша Ф.Розиня — 272, поляка Л.Иогихеса — 188 и видного бундовца В.Д.Медема — 187. В итоге в состав президиума, состоявшего из пяти человек, Плеханов не вошел.

Вообще чувствовалось, что вокруг него в зале заседаний все чаще образуется какая-то опасная пустота. Многих делегатов, особенно большевиков, коробили самоуверенность Плеханова, его менторский тон, манера прерывать своих оппонентов язвительными репликами. Недаром Горький сравнивал Плеханова с протестантским пастором, который говорит, как законоучитель, уверенный в том, что его мысли неоспоримы, а каждое слово и даже паузы между словами — драгоценны. Он требовал к себе внимания и почтения, сердито поглядывая на тех, кто во время его выступления осмеливался перешептываться с товарищами.

Плеханов поддержал предложение меньшевиков не обсуждать на съезде острые теоретические вопросы, чтобы вновь не посорить объединившиеся год назад фракции большевиков и меньшевиков. При этом он выразил сомнение в том, что съездовская дискуссия — часто стихийная и хаотичная — может привести к обогащению марксистской теории. «То, что вы называете выработкой теории, — говорил он, обращаясь к большевикам, — уподобило бы нас английскому парламенту XVII века, выработывавшему и принимавшему большинством голосов английский... молитвенник. Политическая партия такими делами заниматься не может». Плеханов даже сравнил обсуждение теоретических вопросов на партийных съездах с бесплодными спорами средневековых схоластов о том, сколько ангелов может поместиться на булавочном острие¹.

Плеханов был, вероятно, прав в том, что многолюдные и дорогостоящие партийные съезды — не лучшее место для больших и серьезных дискуссий при наличии множества самых различных, порой полярно противоположных точек зрения. С другой стороны, было бы элементарным неуважением к высшему партийному форуму сводить его роль лишь к принятию подготовленных заранее резолюций, предоставив решение важнейших вопросов теории только немногим «избранным». Очевидно, оптимальным вариантом было бы сочетание кабинетной работы партийных теоретиков, публичных дискуссий (в печати, на собраниях, во время реферативных выступлений лидеров партии и т.д.) и обсуждения теоретических проблем на заседаниях ЦК, съездах и конференциях РСДРП. Однако на практике найти эту «золотую середину» было очень непросто.

Сам Плеханов предпочитал не перегружать свои выступления на съезде теоретическими вопросами. Пожалуй, никогда еще его речи

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XV. С. 378—379.

не изобиловали таким количеством шуток, острот, анекдотов, цитат из литературных произведений, — и все это, несмотря на скверное самочувствие. Георгий Валентинович как будто хотел доказать всем, в том числе и самому себе, что «есть еще порох в пороховницах», хотя весь этот блестящий словесный фейерверк уже не мог прикрыть отсутствия новых оригинальных мыслей, да и шутки Плеханова не всегда были удачны и свежи.

Основная дискуссия на съезде развернулась вокруг вопроса об отношении РСДРП к «непролетарским» партиям. Делегаты заслушали целых четыре доклада — Ленина, Мартынова, Р. Люксембург и бундовца Абрамовича. Особенно досталось Плеханову от Р. Люксембург, которая обвинила его в догматической интерпретации взглядов Маркса и Энгельса на роль либералов в буржуазной революции и в откровенной идеализации русской либеральной буржуазии, явно тяготеющей к соглашению с самодержавием, а не к союзу с силами демократии. Правда, Р. Люксембург сделала комплимент Плеханову, назвав его «почитаемым теоретиком и творцом русского марксизма», однако не преминула тут же заметить, что «революционный русский либерализм — это фантом и что повторение Плехановым тех характеристик буржуазии, которые давали в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс, является применительно к России начала XX в. поразительным примером метафизического мышления и превращения марксизма в окаменевшую догму.

Что и говорить, Плеханов оказался в крайне затруднительном положении: молчать он не мог (это было бы истолковано как признание им своего поражения), но и любая резкость по отношению к даме, пусть даже идейному противнику, уронила бы его не только в общественном мнении, но прежде всего в собственных глазах. Поэтому Георгий Валентинович, как настоящий джентльмен, решил обратиться в шутку явно невыгодный для него спор с Р. Люксембург. При этом он искусно обыграл два полемических выпада против нее, содержащиеся в выступлениях бундовцев Абрамовича и Либера (первый назвал Люксембург бланкисткой, а второй ехидно поинтересовался, на каком стуле она сидит¹).

Отвечая Абрамовичу, Плеханов сказал, что взгляды Р. Люксембург — это все-таки марксизм («бланкизм надо целиком оставить товарищам большевикам»), но марксизм не «окаменелый», а испарившийся, улетучившийся от жара революционной фразеологии. Ответ Либера выглядел еще более эффектно: «Тов. Либера спросил т. Розу Люксембург, на каком стуле она сидит. Наивный вопрос!

¹ Р. Люксембург была делегатом съезда от Лодзинской организации польских социал-демократов, являлась после Стокгольмского учредительного съезда членом РСДРП и, кроме того, выступала с приветствием от германской социал-демократии, в рядах которой работала уже более десятка лет.

Тов. Роза Люксембург не сидит ни на каком стуле. Она, подобно рафаэлевой мадонне носится на облаках... отрадных мечтаний», — под аплодисменты делегатов заявил Плеханов¹. Этот внешне очень галантный пассаж заключал в себе и немалую дозу яда, ибо сравнение Р. Люксембург с ее маленьким ростом, большим носом и ярко выраженной семитской внешностью с Сикстинской мадонной выглядело довольно комично и звучало полудокомплиментом, полунасмешкой над известной революционеркой.

Что касается существа дела, то Плеханов, довольно искусно обойдя вопрос об эволюции взглядов Маркса и Энгельса на роль буржуазии в германской революции 1848—1849 гг., заявил, будто они никогда не смотрели на немецкую буржуазию как на революционный класс и относились к ней совершенно так же, как русские марксисты смотрят на свою национальную буржуазию. Мягко говоря, это было большой натяжкой, поскольку позиция Маркса и Энгельса в конце 1840-х годов претерпела немалые изменения², тогда как Плеханов предпочитал цитировать лишь те их высказывания о буржуазии, которые совпадали с его собственными взглядами по данному вопросу. С другой стороны, отвергая упреки большевиков и Р. Люксембург в принижении революционной роли пролетариата, Плеханов несколько напыщенно воскликнул: «Нам говорят: вы делаете пролетариат орудием буржуазии. Это совершенно неверно. **Мы делаем буржуазию орудием пролетариата.** Прошли те времена, когда пролетариат служил орудием буржуазии, миновали без возврата. Теперь пролетариат является демургом нашей революционной деятельности. Теперь он — главная сила. И это дает ему особые права, это налагает на него особые обязанности. Гегель говорит в своей «Философии истории», что народ, являющийся носителем великой исторической идеи, может рассматривать все другие народы как орудие для осуществления его великой цели; он может топтать их ногами и может употреблять их как средство. Мы стоим не на национальной, а на классовой точке зрения. Но и мы думаем, что пролетариат, этот носитель великой идеи нашего времени, может топтать ногами все **отжившее** и пользоваться всем **существующим** для своей великой цели. Он может и он должен поступать так, ибо он был, есть и будет главным двигателем революции в настоящее время» (Аплодисменты)³. Вряд ли стоит говорить здесь, насколько самоуверенно звучали слова Плеханова о том, что пролетариат делает буржуазию орудием выполнения своих замыслов. А как режет слух фраза Плеханова о праве (?) пролетариата «топтать

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 394.

² В 1847—1848 гг. Маркс и Энгельс считали еще германскую буржуазию революционным классом, но затем стали резко критиковать немецких либералов.

³ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 394.

ногами» все отжившее и «пользоваться» всем существующим для достижения своей цели, взятая на вооружение большевиками в 1917 г.! Заметим, однако, что после этого пассажа Плеханову аплодировали. И, видимо, не только большевики!

Как известно, большевикам вместе с делегатами национальных социал-демократических организаций удалось провести на съезде свою резолюцию об отношении к непролетарским партиям, в которой, вопреки мнению Плеханова, было немало нелестных слов в адрес кадетов и октябристов. Не помогло меньшевикам и выступление Плеханова в защиту идеи «рабочего съезда», которая была отвергнута большинством делегатов, считавших, что широкая внепартийная рабочая организация может стать опасным конкурентом РСДРП. Возможно, такие опасения и имели под собой определенную почву, но думается, что Плеханов, всегда остававшийся патриотом революционной пролетарской партии, был прав, когда предсказывал победу на «рабочем съезде» социал-демократическим идеям и видел в нем эффективное средство легализации и расширения пролетарского движения, а не альтернативу РСДРП.

Свои выступления на V съезде РСДРП Плеханов собрал в небольшом сборнике «Мы и они», который был издан в 1907 г. сначала в Женеве, а потом в Петербурге. Сборник открывался предисловием, в котором Плеханов без обиняков раскрыл смысл его названия: «мы» — это меньшевики, которых облыжно обвиняют в ревизионизме; «они» — большевики, тактические взгляды которых очень напоминают взгляды Бланки, Бакунина и прочих революционеров-утопистов, что, по мнению Плеханова, даже хуже, чем «пересмотренный» ревизионизмом марксизм. Вспоминая о беседе с одним рабочим-большевиком, который никак не мог понять, как социал-демократы могут входить в соглашение с кадетами, поскольку среди них много капиталистов, Плеханов воспроизвел свой ответ, дающий яркое представление о логике рассуждений всех меньшевиков: «У вас два врага, — говорил Плеханов. — Разумная тактика требует от вас, чтобы вы сначала сосредоточили свои силы на одном из них и, разбив его, устремились на другого. Так всегда поступал великий мастер в деле решения тактических задач, Наполеон I. На кого же вы должны напасть прежде? Очевидно, на правительство. Сосредоточивайте же против него свои силы. Но правительство, — этот враг, который прежде других должен быть разбит вами, — встречает и до поры до времени будет встречать противодействие со стороны кадетов. Это значит, что ваши враги пока ссорятся и между собою. Разумная тактика требует от вас, чтобы вы, сосредоточивая свои силы против правительства, использовали в интересах **революции** ту *оппозицию*, которую пока еще делает ему «партия народной свободы». А вы боитесь этого как измены; вопреки здравому смыслу, вы стараетесь помирить друг с другом ваших, пока еще ссорящихся между собою, врагов и потому,

воображая себя верными хранителями революционных принципов, вы наносите серьезный вред революции»¹.

Плеханов упрекал также большевиков в боязни реформ, которые якобы могут помешать ходу революции. При этом он привел пример их отрицательного отношения к лозунгу ответственного думского министерства, явившегося, по его мнению, настоящей услугой Столыпину. В целом же Плеханов приходил к выводу, что Маркс был бы, пожалуй, в русских условиях чистейшим меньшевиком².

Между тем Первая российская революция подошла к концу. Первый штурм царизма закончился неудачей, хотя борьба народа была далеко не бесплодной.

Что же принесли годы революции Плеханову? В общем и целом он избежал в эти годы больших взлетов и падений, окончательно закрепившись на позициях кабинетного марксистского теоретика, к советам которого, однако, не слишком прислушиваются марксисты-практики. Плеханов не поддавался искушению объявить русскую революцию «перманентной», когда она шла на подъем, но и не видел поводов для отчаяния, когда верх стало брать царское правительство. Он пытался мерить русскую революцию — первую революцию XX в. — мерками старых марксистских оценок европейских революций 1848—1849 гг. и, прямо скажем, не слишком преуспел в этом, ибо и специфика России, и особенности новой исторической эпохи, в которую мир вступил как раз на рубеже двух столетий, требовали от революционеров принципиально новых подходов и решений. Не подтвердились, в частности, и его ожидания, связанные с российской буржуазией и либерализмом, которые вовсе не собирались бить царизм вместе с революционерами. Сорвались и обе попытки наладить в России нормальную парламентскую работу, поскольку Первая Государственная Дума была распущена царем через 72, а Вторая — через 103 дня после их созыва, хотя по закону им был отпущен пятилетний срок. Не нашли отклика и призывы о сотрудничестве, обращенные Плехановым к партии кадетов. Все это не внушало ему оптимизма, хотя он и был убежден, что когда те, кто был в 1905 г. детьми, подрастут и станут солдатами, в России будет новая революция³.

Тяга широких демократических кругов российского общества к социалистической литературе и значительное смягчение цензурных условий привели к тому, что в 1905—1907 гг. на отечественном книжном рынке появилось довольно много произведений Плеханова. В 1906 г. сначала в журнале «Образование» (№ 1), а потом отдельной брошюрой был опубликован биографический очерк о Плеханове, написанный меньшевиком А. Ельницким. А. М. Коллон-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 408.

² Там же. С. 410.

³ См.: РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 201. Л. 16.

тай в письмах к Плеханову не раз повторяла, что он очень популярен в России. «Знаете ли Вы, что теперь Вы — один из популярнейших людей в России. Вас боятся, восхваляют, бранят, ненавидят, а все вместе — прислушиваются. А это главное!» — писала Коллонтай Плеханову в январе 1907 г. из Петербурга. А вот выдержка из ее же письма, написанного через месяц: «Ваши «Письма» (имеются в виду «Письма о тактике и беспактности». — С.Т.) производят громадный шум, это обыкновенно «гвоздь» дня: едва сойдутся два человека — начинается грызня, само собою разумеется, поскольку одни приветствуют Ваши слова, постольку другие ими недовольны. Тем не менее прислушиваются все, а волнуются и сердятся, очень сердятся многие»¹.

И все же в 1905—1907 гг. уже чувствовалось, что будущее — не за Плехановым. В России рождалось новое поколение революционеров, для которых «отец» русского марксизма был уже вчерашним днем революции.

---

¹ См.: Тютюкин С.В. Первая российская революция и Г.В.Плеханов. С. 253.